

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

БОМБАРДИРОВЩИКИ

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Артем Драбкин
Бомбардировщики

«Яуза»

2018

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

Драбкин А. В.

Бомбардировщики / А. В. Драбкин — «Яуза», 2018 — (Война. Я помню. Проект Артема Драбкина)

ISBN 978-5-9955-0988-2

Они наносили удары по врагу днем и ночью, с пикирования, с «горизонтали» и на бреющем, работали по переднему краю и вражеским столицам, стратегическим объектам и коммуникациям противника, аэродромам и кораблям. Они прорывались сквозь зенитный огонь и отражали атаки немецких истребителей, не раз возвращались из боевых вылетов «на честном слове и на одном крыле», горели в подбитых бомбардировщиках и неделями выбирались к своим с вражеской территории после вынужденных посадок... Обо все этом, о потерях и победах, о кровавом ратном труде и фронтовом братстве летчиков-бомбардировщиков они рассказывают на страницах данной книги.

УДК 94(47+57)"1941/45"

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9955-0988-2

© Драбкин А. В., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

Карюков Валентин Дмитриевич	6
Рапота Алексей Никифорович	25
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Артем Драбкин

Бомбардировщики

© ООО «Яуза-пресс», 2018

Карюков Валентин Дмитриевич

Карюков Валентин Дмитриевич

– Родился я в 1922 году на Кубани. В станице Славянской, город Славянск в настоящем. Но мы не из казаков, а из иногородних. Отец у меня рабочий был. Школу окончил в 1940 году и поступил в Краснодарское военно-авиационное училище. А знаешь, почему я решил в лётное училище поступить? Потому что еще когда был пионером, то в «Пионерской правде» напечатали то ли рассказ, то ли повесть «Сёмка-лётчик». А на рисунке он был изображен в клетчатой фуражке, такая черно-белая, и я как раз ходил в такой. Вот меня и прозвали в школе Сёмка-лётчик. Ну, раз такая кличка, значит, я вроде как должен стать лётчиком. Хотя под конец школы я решил стать моряком и надумал поступать в Ленинградское военно-морское инженерное училище. Но потом мне вдруг на глаза попало объявление, что в Краснодарское лётное училище проводится набор на летчиков-штурманов. Причем я даже не понимал, что штурман – это совсем не лётчик. Думал, раз такое двойное название, то у нас будут две совмещенные должности – и штурман, и лётчик. Но главное, что меня прельстило, в объявлении было написано, что начало занятий с декабря месяца. Елки-палки, моих друзей уже забрали кого куда, а мне еще до декабря отдыхать можно. И я поехал в Краснодар. Вообще интересно у меня получилось. Приехал в училище, смотрю, тут группа собирается идти на экзамен. Ребята мне говорят: «Пошли экзамен сдавать!» – «Ладно, – говорю, – пошли». И сдал вместе с ними все экзамены, а оказывается, до экзаменов надо же медкомиссию пройти. А я ее не проходил, и прямо оттуда меня взяли на мандатную комиссию. Прошел собеседование, мне вручили отпускной до декабря месяца и зачислили в училище. Я сказал: «Привет!» – и через два дня уехал.

С декабря месяца начали заниматься. Изначально нас должны были выпустить в качестве лётчиков-штурманов, но, по-моему, в самом начале 1941 года училище реформировали в лётную школу. Тут тонкость в том, что из школы выпускают не офицерами, командирами, как тогда говорили, а сержантами. После этого мы в Краснодаре долго не задержались, и где-то в мае месяце, после парада, всю школу перебазировали в Канск, это городок в Красноярском крае. Туда в авиашколу помимо нас прислали ещё ребят из Харькова, в общем, уже там продолжили обучение. Учились, конечно, на самых простых самолетах старой конструкции – Р-5. Это такие самолеты-разведчики. А в июне началась война...

Мы хотели подать заявления, чтобы нас отправили на фронт до окончания обучения, но нам жестко объяснили: «Придет время – вас отправят!» Но время шло, а нас все не отправляют. Уже 42-й год наступил, мы тот же материал по второму кругу прошли, а нас всё не отправляют. Самолетов-то нет. Всё, что более-менее приличное еще до этого собрали, укомплектовали инструкторами, курсантами и отправили на фронт. И осталась только полурухлядь, на которой мы и летали. Положение было тяжелое, в итоге в июне 42-го школу расформировали и всех курсантов перевели в ...Новосибирское пехотное училище, чтобы готовить из нас командиров минометных взводов.

– И как вы восприняли перевод в пехоту?

– Солдатское дело маленькое – что приказали, то и будешь делать. Тем более мы все время рвались на фронт, а тут хоть забрезжила надежда попасть туда. Но прибыли в Новосибирск и тоже задержались. По плану после ноябрьских праздников, после парада, мы должны были начать сдавать госэкзамены, после чего убыть на фронт. Но 6 ноября вдруг пришел приказ – откомандировать на пополнение гвардейских частей наиболее зрелых курсантов. Но если в пулеметном батальоне учились самые настоящие мальчишки – по 18 лет, то наш минометный состоял из бывших летных курсантов и мы уже по два года учились. Вот так получилось, что и это училище мы не окончили и нас отправили на пополнение гвардейских частей.

Приехали в Рассказово, это под Тамбовом, и там меня определили в 50-й артполк 24-й гвардейской стрелковой дивизии. Её тогда после выхода из окружения вывели на отдых и пополнение. И там мы узнали, что дивизию готовят для отправки на Сталинградское направ-

ление. Где-то в начале декабря выехали и прибыли под Сталинград в состав Донского фронта. Вот там уже состоялось мое боевое крещение.

– *А кем вас назначили в этом 50-м артполку?*

– Я попал в полковую разведку. Причем простым разведчиком, даже не сержантом, а самым настоящим рядовым. И не только я, всех нас определили в рядовые, хотя у нас за плечами, считай, по два года училища. Ну, не важно. Понимаешь, нас готовили для штурмовой авиации, поэтому мы освоили много военных специальностей. Мы и радисты, могли на слух принимать морзянку по сто знаков запросто. Мы и топографы, и минометчики, и обычные пулеметы, конечно, знали. Так что когда нас перед эшелоном построили, то прямо как на рынке покупатели стали выбирать. Первый кричит: «Кто в радисты желает?» Ну, радисты же все, так что часть вышла в радисты. Дальше: «Кто артиллеристы?» В общем, называли специальности, и желающие выходили. А мы с товарищем стоим, слушаем всё это и решили: «Ну, выйдем, наверное, когда скажут «топографы». И, значит, объявляют: «В артиллерийский полк нужны топографы!» И не только мы, но и другие ребята вышли, и вот так очутились в этом артиллерийском полку. Но часть ребят определили в батареи, а нас в разведку. Артиллерийская разведка известно чем занимается – засекает огневые точки противника. Наша задача – обнаружение, наведение и корректировка по целям противника, так что работы хватало.

– *Быстро освоились?*

– А чего там осваиваться? Мы же минометное училище прошли, полевую работу и корректировку прекрасно знали. А потом я скажу, что штурманское бомбометание нас теоретически вот так научило всем этим артиллерийским нюансам.

Сталинградская битва выдалась очень тяжелая. Страшно было... После завершения окружения Сталинградской группировки наш Донской фронт стал наступать в сторону Новочеркасска. Там тоже пришлось очень и очень сложно. Как раз случились первые февральские оттепели, снег начал таять, кругом вода, по дорогам не проехать, у нас в валенках всё шкворчит... В общем, всё мокрое, а тут еще мокрый снег, дождик какой-то, и вот так мы немцев догоняли. Но пока мы идем, они уйдут. Потом завязывается бой – опять они оторвались, опять мы их догоняем. Но они же на технике, а мы на своих двоих, и всё равно догоняли.

– *А полк на конной тяге был?*

– Половина полка гаубицы возили на автомобилях, а пушки на конной тяге. Но понимаешь, вот эта вот слякоть и бездорожье просто убивали. Днем тебя дождик поливает или мокрый снег, эти шинели мокрые насквозь, ноги промокшие, а костры разжигать нельзя и спать негде... Вот так и сохло на нас всё это дело. Утром снова пойдем, и вот смотришь – идет колонна, а над ней пар. Вот так вот сушимся на ходу... Но к тому времени от нашего разведвзвода осталось всего ничего, человек пять, и нас временно, до пополнения, распределили в штаб. А там в один из дней меня вдруг вызывает оперуполномоченный особого отдела дивизии: «Будешь моим ординарцем? Ты мне как раз подходишь». Я удивился даже. «Ну, подумай до вечера, и если готов, приходи». Ну, я подумал и согласился. Но недолго я у него пробыл. Месяца два всего, с февраля по апрель. За это время меня и ранило, правда, не особенно сильно, и ещё контузило немного. А получилось так.

Однажды пошли с ним в штаб полка. Приходим, он ушел к командиру, а я пошел туда, где рядовой состав коротает время. Там в комнате человек пять находилось, кто-то шутил, другие – смеялись. И вдруг слышу, летят бомбардировщики немецкие. А я их по звуку уже хорошо определял. Летят, и чувствую, что уже дело близко. И вдруг засвистели бомбы. Бежать из дома в щели было поздно, но нужно же что-то делать. И под крик «Ложись!» я как был упал

на пол и прижался головой к стене. И тут несколько оглушительных взрывов... Знаешь, если от тебя в каких-то десяти метрах рвется бомба, то, наверное, звук хороший.

Когда очнулся, все тихо. Первое движение, это у меня уже отработано было, руками раз – пальцами пошевелить, руки целые, ноги целые. Значит, это нормально, но сдвинуться не могу, на мне что-то навалено. Подумал, если продвигаться вперед, там стена, не пройду. Остается только назад как-то вылезать. И знаешь, мне повезло, вылез. А как выбрался, посмотрел, оказывается, этот дом разнесло в пух и прах, всё обрушилось...

А я стою, ничего не соображаю и не слышу ничего. Оглушило так... Стою, смотрю на это – там дымок, там дымок, там, тут уже другие солдаты подошли. В общем, из этой комнаты я один живым остался... Но шинель моя вся изорвана, полприклада автомата нет... Смотрю, один товарищ, который прилёг на кровать, она на части стены висит, а у него полчерепа нет... В общем, первое время сам не свой ходил, и мой начальник мне говорит: «Иди в госпиталь!» – «Да нет, – говорю, – чего это я пойду? Нормально более-менее». И так в госпиталь и не пошел. Неделю плохо слышал, но потом отошел.

А буквально через три дня попали мы под второй налет и уже его ранило. И главное, то же самое случилось. Опять поехали куда-то с ним в часть и там попали под бомбежку. Его ранило, не тяжело, но врач сказала, чтобы я его сопровождал до самого госпиталя. Приехали в Новочеркасск, в госпитале его разместили, но он мне вдруг говорит: «Знаешь что, останешься здесь со мной на несколько дней. Вдруг меня быстро выпишут?» А его, понимаешь, не осколком ранило, а куском стены. А дома же там саманные, и вот, значит, кусочек этого самана ему прямо в ягодицу. Пошло воспаление, и врачи признали, что ему надо там остаться. Я устроился на квартиру недалеко от госпиталя, и каждый день после обеда ходил его проводить. Их в палате трое лежали: он, командир танковой бригады и командир танкового батальона.

И вот однажды прихожу под вечер, побыл у них и собрался уходить. Уже тишина в госпитале, все пошли спать. Выхожу на улицу, иду вдоль стены и вдруг слышу за ней какой-то гул. Понять ничего не могу, что это за гул такой? Такой, знаешь, вроде как паяльная лампа горит. А там в стене трещина была, я в нее глянул, а там огонь. Самый настоящий пожар! Видимо, в подвале что-то загорелось или подожгли. Обратно к ним кинулся, так и так. Подняли тревогу, всех успели вынести, ну, а их троих перенесли в дом, где я жил. Целую комнату освободили для них, приходила сестра из госпиталя. Но он мне говорит: «Нет, ты не уезжай пока! Подожди, пока меня переведут в тыловой госпиталь». Ну, и наступило время, я его отвез, простился. Он говорит: «Вот теперь езжай!» И дал мне два письма. Одно – начальнику особого отдела дивизии, а другое его заместителю.

Надо ехать, а как? Смотрю, машина стоит, груженная снарядами. Подхожу: «Вы не в 24-ю дивизию?» – «Да». – «Захватите меня, я же оттуда». – «Ладно, поехали. Если бы обратно, то другое дело. А на фронт – поехали!» Ну, приехал, все нормально, но дело в том, что буквально накануне пришел приказ Верховного Главнокомандующего об откомандировании летного состава в авиачасти. Стали обратно всех собирать, но к тому времени от 180 человек нас осталось всего 22... Вот так в середине апреля мы оказались в Сальске, там стоял штаб воздушной армии. И там мы с товарищами получили назначение в 284-й бомбардировочный авиаполк.

Прилетаем на самолете, и первым делом нас повели в столовую. А мы же все оборванные, кто в чем, но нас даже не переодели, сразу в столовую. Покормили, мы, конечно, под впечатлением: «Вот это живут летчики...» Мы же в своем арtpолку кухню почти не видели. Где она, а где мы – разведчики? Поэтому самое лучшее – это когда в кармане пшеничка есть. Самая настоящая пшеничка. Когда жрать захочешь, пожует зерна, и голод пропадает. Вечно искали что-нибудь поесть. Помню, зашли однажды под вечер в какое-то село, мы же почти всегда первые заходим. А там, представляешь, посреди площади навалена огромная куча из мешков. Видимо, немцы перед уходом свезли с каких-то складов эту муку и подожгли. Мы на

это дело посмотрели, дай, думаем, возьмем муки немного и скажем, чтобы нам к утру хлеб испекли. Вот захотелось нам нормального хлеба.

Заходим в один домик, а там женщины собрались к вечеру, сидят, плачут. Очень такие, знаешь, измученные. Мы их пожалели: «А что, если принесем вам муки мешочек?» Притащили два мешка, они ее поделили и испекли нам хлеба хорошего. Давно мы не ели такого.

А однажды, в Котельниково это дело было, тоже пошли в разведку уточнить, есть ли там еще немцы. Пришли – немцев нет. Спросили, люди говорят: «Так немцы еще вечером ушли!» Зашли на вокзал, смотрим – стоит эшелон. На платформах несколько танков, а остальные вагоны закрыты. Мы туда-сюда, всё посмотрели, открыли один вагон. Там консервы. Второй вагон открыли – бочки с мёдом. Третий вагон открыли – там шнапсы разные. Ну, хватит открывать, нам больше ничего и не надо. Набрали шнапса этого, бочку мёда выкатили. Метров на пятьдесят от эшелона оттащили, брезентом накрыли. Но мы же сами это всё не унесем. Послали одного товарища, он привел какую-то брошенную румынскую лошадь. Погрузили и отправили в полк. Он всё довез в целости и сохранности, но нам, конечно, ничего не досталось. Хорошо, кое-что сами припасли. И вот интересный штрих.

Когда мы уже закончили это дело, начался грабеж эшелона. Местное население набежало, вояки разные. И вдруг подъезжает не то танкетка, не то броневик. Её командир обращается ко всем: «Разойдитесь! Разойдитесь!» С пулемета: «Т-р-р-р». Ни хрена! Никакого впечатления... И вдруг, откуда ни возьмись, два «мессера». Тут же никого не осталось возле эшелона. Как корова языком слизала. Сделали круг, немножко с пулеметов построчили и ушли. Представляешь, наши с пулемета стреляют, никакого впечатления. А слышали звук «мессеров» – сразу разбежались все. Так что насчет питания у нас было непросто. А на Дону вообще трудновато. Когда пришли на Дон – никого из казаков нет. Стоят пустые дома. Все ушли, черт их бери... Так что было много и всякой дряни...

После столовой пошли в баню, переодели нас, обмундировали. А после ужина привели в клуб. Там нары стоят, на них постели застелены. Чистота кругом... Ничего себе, думаем, вот это живут летчики... Не то что я, за всю зиму под Сталинградом ни разу не спал в доме, только на улице. Ну и там мы всего за два месяца прошли переподготовку на «пешки» – Пе-2, это пикирующий бомбардировщик, если знаешь. И уже с июня полк стал участвовать в боях.

Снова начали почти с Дона и двигались в сторону Украины. Фронтовая авиация занимается чем? Фронтовыми делами. Наша задача бомбить передовую, укрепрайоны, аэродромы, железнодорожные узлы, скопления танков, вот так в основном. И насчет аэродромов хочу рассказать.

Под Сталином, сейчас это Донецк, у немцев действовал сильный аэродром, и уже ближе к осени, в августе, наверное, нам поставили задачу вывести его из строя. Разбомбить там всё к чертовой матери.

Полетела вся дивизия – это значит, три полка по четыре девятки, считай, 110 бомбардировщиков и 200 истребителей. Вот вся эта армада в шесть часов утра двинулась на Сталино, но каждый полк выполнял свою задачу. И мы его разнесли в пух и прах... Но знаешь, что интересно? Когда сбрасывают бомбы, от пиропатронов открываются замки, и они падают. Но, после того как сбросил, мы обязательно продёргивали еще аварийное сбрасывание, чтобы, если какая-то бомба случайно осталась, не тащить ее домой. Ну а ведь что такое, собственно, воздушный бой? Я же, повоевав в наземных войсках, оказавшись в авиации, сравнивал. Считай, одно и то же, что атака в пехоте. Ничем не отличается. Ты идешь, а в тебя стреляют. Только разница, что на земле в тебя лупят автоматчики, там пулеметчики, минометы бьют. А тут нет автоматчиков, нет пулеметчиков, но есть истребители и есть зенитные орудия разных калибров. А остальное, считай, всё одинаково. Ну, условия. Хотя, знаешь, в летных частях есть две касты. Есть белая кость, есть чёрная кость. Весь технический состав – это чёрная кость. А лётный состав – белая кость. Для лётного состава – всё, а технический сам за себя. Но главное

отличие – что воздушный бой скоротечный. На земле бой может и целый день идти. А здесь всего-навсего час-полтора. Ты летишь, цель, допустим, километров за 20–30 за линией фронта. А может, и за 50. Ты идешь к линии фронта, и, уже подлетая к ней, ты можешь ожидать истребителей противника. Это – раз. Второе – тебя начинают обстреливать с передовой все кому не лень. Но мы над линией фронта шли 3–3,5 тысячи метров, так чтобы малокалиберные зенитки, «эрликоны» разные, не доставали нас. Но бывало и так, что начинает и средний калибр бить, это уже хуже. Ладно, передовую пролетаем. Если истребителей нет, то мы, значит, идем до цели. Но еще на подходе тебя опять встречают зенитки, и начинается... Главное – первые разрывы. Всегда смотришь, где первые разрывы. Немцы ведь стреляли так – пять выстрелов, смена кассеты, поправка и снова пять выстрелов. И если их тут стоит 20–30 пушек, да еще стреляют точно, а они точно стреляли. А эти разрывы настолько сильно слышно, вот такие шапки, да еще запах их слышно. Представь, слышно запах! И вот только увидел, что разрывы впереди, тут сразу раз – на 100 метров вверх, и разрывы уже внизу. Знаешь, что следующий перенесёт, и делаешь вправо 15 градусов. Там тоже разрывы, но ты не один, у тебя звено. Я уже штурманом звена был. У тебя звено, они рядом с тобой идут – крыло в крыло. И, собственно говоря, все команды подаёшь ты – штурман. Смотришь и подаёшь команды, а лётчик их выполняет. И когда до цели остается каких-нибудь 4–5 минут, тут уже всё, всякие маневры заканчиваются. Ты становишься на боевой курс, старший штурман дает тебе, допустим, курс – 270, скорость – 360, высота – 3200. И всё, он как замер, так и идет, не двигаясь никуда. И за ним всё звено идет, эскадрилья, а то и полк. Замерли и идут на цель. Вот тут по тебе как хочешь стрелять могут. Но даже когда бомбы сбросили, это ещё не все. Надо обязательно сфотографировать результаты. Обычно в эскадрилье стоят 2–3 фотоаппарата, которые должны все зафиксировать. А если нет фотоподтверждения, то вылет считается недействительным. И вот этот промежуток длится всего 10–15 минут. А если считать от линии фронта, то обычно полчаса все это. А как только пошли на разворот, тут уже в тебя не попадут, разве что случайно. Так вот, я хочу дорассказать про тот вылет, когда мы полетели всей дивизией.

Вылет получился очень удачным: много самолетов сожгли, полностью вывели из строя аэродром, но интересно другое. В тот вылет мы взяли большие бомбы, по 250 килограммов. И вот у кого-то одна из них не сошла, и он её сбросил аварийно. Она упала за несколько километров от этого аэродрома, но до чего же удачно получилось. Уже потом нам местные жители рассказывали, что эта бомба упала точно в полевую столовую, куда немцы как раз собрались на завтрак. И половину летного состава как корова языком слизала. Вот так случайность иногда помогает... И почти точно такой же случай был еще в Таганроге.

Пошли на Таганрогский порт шестеркой, и с нами четыре истребителя. С задачей если там есть какое-нибудь плавучее средство, то потопить. Если нет, то отбомбиться по пакгаузам и складам. Пришли, кораблей нет, и отбомбили по пакгаузам. Особенного сопротивления не было, и мы развернулись на город. И на развороте у одного пошла бомба зависшая. И думаешь куда она попала? В офицерский клуб. Как раз дело к вечеру, там уже собралась кофла: офицеры, наши девочки... И эта бомба всех разнесла к чертовой матери... Потом жители города удивлялись: «Ну, какие же легчики, заразы! Всё видят! Надо же, прямо в бардачок попали...» А это чистая случайность! Кстати, потом наш полк и дивизия за те бои получили почетное наименование «Таганрогский».

После Таганрога освобождали Украину и вышли к Крыму. Вот ты знаешь, что Перекоп обороняли в основном части из крымских татар? Поэтому в войсках ходил негласный приказ – в плен их не брать... Ну, а когда часть Крыма освободили, мы перелетели туда. А в Крыму чего только не бомбили. И по кораблям, и по аэродромам, но больше всего по наземным войскам работали. Пехоте помогали.

Там перед Севастополем есть хребет Мекензиевых гор. На одном склоне немцы, на другом наши, поэтому бомбить переднюю полосу было очень опасно. Если промажешь и вмажешь

по своим – попадешь под суд. Поэтому бомбить надо было со всей осторожностью. А на полуострове Херсонес у них действовал аэродром с мощной истребительной группировкой. У них там целая асовская группа работала. Если ничего не путаю, они наш 8-й истребительный авиаполк крепко потрепали. И мы с ними тоже встречались. Помню даже такой случай. Радист мне как-то говорит: «Послушай!» Переключил волну, и я слышу, как Алелюхин (*Алексей Алелюхин – летчик-истребитель 9-го ГИАП, дважды Герой Советского Союза, один из ведущих асов 8-й воздушной армии. – прим. ред.*) говорит своему ведомому: «Заходи, я тебя прикрою!» Потом слышу матом на него: «Да разве так?! Смотри, как надо! Прикрой меня! Вот видишь – горит! Вот так надо!» Недаром у них в 9-м гвардейском одних Героев было человек двадцать.

Бомбардировщиков, особенно пикирующих, на нашем 4-м Украинском фронте не хватало. Считай, на весь фронт всего одна наша авиадивизия, поэтому нас постоянно перебрасывали с одного участка на другой. И обычно прикрытие давали большое – один к двум. На каждый бомбардировщик два истребителя. Одни, значит, прикрывают непосредственно, а другие барражируют и охраняют коридор.

– А кто у вас в экипаже был летчиком?

– Вася Герасимов. А стрелком был Григорий, только фамилию сейчас запамятовал. При чем представь, он у нас по званию был самый старший. Мы сержанты, а он старшина. Со званием тоже интересно получилось. Мы получали зарплату, но как рядовому составу мне были положены 3-кратные фронтовые. То есть мне выдавали мою штурманскую зарплату в 3-кратном размере, и я получал почти как командир полка. Так тянулось, наверное, с полгода, а потом нам прилепили по звездочке и стали получать всего одну зарплату. Вот так, чтобы больно рот не раскрывали. Ну, в общем, про Севастополь расскажу.

В Крыму осталось взять только Севастополь, а никак не могут. В том числе очень сильно мешали этому самолеты с аэродрома на мысе Херсонес, поэтому нам поставили задачу вывести его из строя. В первый раз опять полетели всей дивизией. Где-то 90 бомбардировщиков собрали, полетели, но там зенитный огонь был просто сумасшедший. Как глянешь назад, все белое, в разрывах... Только и думаешь: «Как же мы тут пролетаем, черт возьми?» Вот говорят, «бостоны» плохо горели. (*A-20 – бомбардировщик американского производства, известный в странах содружества под именем «Бостон». В СССР по ленд-лизу было поставлено 3066 самолетов различных модификаций, но в основном использовался в качестве ближнего бомбардировщика и разведчика. Самолет имел усиленную броневую защиту и протектированные топливные баки, поэтому считалось, что его труднее сбить. – прим. ред.*) У нас в дивизии два полка, наш и 134-й, летали на Пе-2, а 10-й полк на «бостомах». Они в основном ночами летали, на ночную бомбежку. И вот знаешь, там я видел, как один «бостон» с высоты 4000 до 2000 полностью сгорел. Один дым остался... И вот когда весь Крым полностью освободили, нас повезли в Севастополь. Осматривать места, по которым мы работали. И вот, значит, поехали, а в одном месте такая большая поляна недалеко от дороги, и на ней этих зениток столько, что еле сосчитали. Больше сотни... И вот представь, сто разрывов одновременно шарахали... В итоге боевую задачу выполнили, но в том бою мы потеряли 9 самолетов и 27 наших боевых товарищей. Больно вспоминать...

Экипаж: Валентин Карюков, стрелок-радист, пилот Василий Герасимов

А после этого ходили на него каждый день целую неделю. Причем как немцы летали по часам, допустим, в 15 часов они появлялись над городом, так и мы. В 12 часов мы появлялись над аэродромом, бомбили его, но немцы за ночь всё восстанавливали. А мы снова прилетали и снова бомбили, снова прилетали и снова бомбили... Но бомбить его было очень сложно. Понимаешь, мы заходили с суши, сбрасывали бомбы и разворот уже делали над морем. А рядом, километров за двадцать, стоял наш истребительный аэродром. Мы заходили туда, брали истребители с собой и шли на цель. Немцы это прекрасно знали, и когда мы еще только подлетали к этому истребительному аэродрому, они взлетали, но не встречали нас, потому что боялись попасть под огонь своих же зениток, а уходили в открытое море. Так что истребителей мы там почти никогда не заставали. И вот только мы отбомбились, уходим в море, и особенно если с пикирования, то звено на скорости растягивается. Боятся столкнуться, вот и растягиваются немножко. Вот тут как раз и появляются немецкие истребители... И если только кто-то оторвался, на него тут же наваливается или двойка, или четверка, и исход зачастую был печальным... Такой случай помню.

У нас был замечательный командир эскадрильи, и, когда немцы его сбили, он выпрыгнул над морем с парашютом. Но при приземлении его неудачно накрыл парашют, и он утонул. Но тело подобрал немецкий катер. Привезли на аэродром, посмотрели, а у него штук пять орденов, три из которых Красного Знамени. Так, представляешь, немцы его похоронили на аэродроме с воинскими почестями. Так что иногда проявлялись и такие чувства... *(Почти наверняка можно утверждать, что здесь идет речь о капитане Вишнякове. По данным ОБД «Мемориал», экипаж командира эскадрильи 135-го ГБАП гв. капитана Вишнякова Евгения Сергеевича 1914 г. р. не вернулся с боевого задания 19.04.44 г. Все члены экипажа: гв. капитан Евгений Вишняков, гв. ст. лейтенант Вячеслав Рыпиневский и гв. лейтенант Михаил Стороожук считаются пропавшими без вести. – прим. ред.)*

А в начале войны у них было полное превосходство в воздухе, и ребята рассказывали, что доходило до того, что немцы отобьют один наш самолет, подстраиваются рядом, и один

из немцев показывает пальцы. Один и два. Это значит – или с первой атаки тебя сбивать, или со второй? Вот так...

А в последний раз мы там бомбили уже в море. Там и корабли разные, и самоходные баржи. У меня даже где-то есть снимок, как мы с пикирования бомбили один корабль и прямо накрыли его. Потом разведчики сообщили, что он через 15 километров затонул. (Выдержка из наградного листа, по которому командир экипажа, в котором летал Валентин Карюков, старший летчик 135-го ГБАП гв. лейтенант Герасимов Василий Лаврентьевич 1921 г. р., был награжден орденом Красного Знамени: «...18.04.44 бомбардировал опорные узлы сопротивления на Сапун-гора с Н-1400 метров. Несмотря на зенитный огонь и наличие в воздухе истребителей противника – успешно выполнил задание. Фотосхемой подтверждены прямые попадания в траншеи на склонах горы.

...22.04.44 в составе группы самолетов бомбардировал аэродром противника на мысе Херсонес. Несмотря на сильный заградительный огонь ЗА противника и атаки двух Ме-109, задание выполнено успешно. Из 56 разрывов бомб – 18 по летному полю, 29 по стоянкам. Отмечены 2 прямых попадания в склад горючего, в батарею ЗА, в скопление автотранспорта. Зажжено 2 самолета.

5.05.44 в составе 9 Пе-2 бомбардировал укрепленную линию и траншеи противника Ю-3 0,5 км Мекензиевы горы. Из 23 разрывов бомб – 9 прямых попаданий по складу полевого типа, 4 – по ж/д полотну, 3 прямых попадания по оборонительным сооружениям.

8.05.44 бомбардировал аэродром противника на мысе Херсонес. Несмотря на противодействие ЗА и ИА противника, задание было выполнено успешно. Из 115 разрывов бомб – 43 по летному полю, 70 по стоянкам самолетов, 2 прямых попадания в самолеты, зажжен 1 самолет, повреждено – 6. Выведены из строя 2 зенитные батареи...». – <http://www.podvignaroda.ru.>)

Ну, а как Крым освободили, нас перебросили на 3-й Белорусский фронт. Освобождали Белоруссию, Литву и закончили войну в Восточной Пруссии. После взятия Кенигсберга нас должны были перебросить на Берлин. Уже и карты получили, начали готовиться, как вдруг пришел приказ – карты сдать! И направляют нас в Литву, добивать Курляндскую группировку. Знаешь, тогда даже такой анекдот ходил. Наши войска возвращаются из Берлина и спрашивают: «А что это там орудия стреляют? Кто еще там воюет?» – «А это, – говорят, – Баграмян добивает Либавскую группировку». Так что война уже закончилась, а Курляндская группировка еще не сдалась, и нас оставили на ее уничтожение.

– К этому мы еще обязательно вернемся. Вот вы упомянули про пикирование, и мне интересно, как часто бомбили именно с пикирования?

– Вообще, не так часто. Вот я сделал 156 боевых вылетов, и из них только 20 или 30 вылетов на пикировании. А остальные – бомбометание с горизонтального полета. Понимаешь, на пикировании шли по конкретным целям, когда не надо было площадного бомбометания. Чаще всего, когда, например, укрепрайоны. Вот когда штурмовали Кенигсберг, там же вокруг него стояли шесть фортов. Такие 3-этажные мини-крепости, которые были настолько укреплены, что их никакие снаряды не брали. Так нам привезли специальные бронебойные бомбы, которые прошивали верхнее перекрытие и разрывались уже внутри. И все бы хорошо, тогда уже пехота была приучена атаковать под прикрытием авиации. Сначала проведут бомбометание, как говорится, «всех посадят на дно», потом штурмовики придут работать, и лишь тогда они поднимаются в атаку. Но здесь было очень трудно. В тот день, черт возьми, была плохая погода, высота облачности – всего 600 метров. Бомбить с пикирования с такой высоты никак нельзя. Для пикирования нужна высота не менее трех тысяч. Не менее! Потому что ты с пятисот сбрасываешь бомбы и начинаешь вывод. Это не то что немцы с переворота – раз, на крыло, бросил бомбы и вышел. У нас пологое пикирование. Проходишь угол 45 градусов, ну 50. Вот

когда истребителей учили прикрывать, бомбардировщиков на пикировании, так там вообще загнули 60 градусов. Хотя истребитель если под таким углом войдет, то он может и не выйти. Это сейчас уже по-другому, а тогда так. Расскажу тебе случай.

Как-то мы летали в Гродно бомбить всем полком. Три девятки. Мы шли последней девяткой, и с нами была шестерка прикрытия истребителей. Ну, там уже сопротивление не такое большое, так что шестерка или десятка – не особенная разница. И вдруг слышим по радиации: «Фоккера!» А последняя серия «фоккеров» очень опасная. Смотрим, шестерка «фоккеров» нас атакует. Но понимаешь, мы уже такой опыт имели, что нас так просто не возьмешь. Мы сразу дистанцию уменьшили, интервал. Соединились, сплотились, и представь, вот тебе три звена, девять самолетов. Если ты атакуешь сверху, то тебя встречает девять крупнокалиберных пулеметов. А в каждой ленте есть и трассирующие, чтобы ты тоже видел, куда стреляешь. И когда на тебя идет этот огненный поток девяти пулеметов, то какой бы ты ни был хладнокровный – не удержишься. И точно так же снизу – девять пулеметов стрелков. В принципе, немцы поначалу пытались атаковать снизу, но, после того как мы стали использовать гранаты, они прекратили это дело. Такие специальные авиационные гранаты – АГ-2. Если немец пошел атаковать сзади, то стрелок-радист ее раз, отстрелил, она на парашютике повисла, и через 3–5 секунд взрыв. А осколки от нее поражают на 150 метров, и если в самолет попадет, то может и сбить. Так что немцы про них уже знали, поэтому атаковали только издали.

Летный состав 1-й эскадрильи 284-го БАП. Аэродром Люксембург – Розовка, сентябрь 1943 г.

Слева направо, стоят в 3–4-м ряду: Молчанов, Леонид Инжеватов, Петр Баглай, Владимир Монаев, Федор Комаров, Виктор Шубин, Валентин Карюков, Василий Герасимов? Михаил Тудаков, Николай Помелуйко, Николай Угаров, Николай Васюшкин;

Стоят во 2-м ряду: Иван Соболев, Владимир Пеший, Константин Таюрский, Петр Моисеев, Дмитрий Шопен, Павел Панфилов, Алексей Воинов, Мартын Иванченко, Андрей Заплавнов, Алексей Сенкевич.

Сидят: штурман эскадрильи Вячеслав Рыпневский, Александр Пронин, Николай Бондаренко, Александр Селедкин, комэск Евгений Вишняков, начальник связи эскадрильи Михаил Сторожук, Василий Дегтярь, Борис Болдырев

– *А вот как штурман держится на пикировании? У него же откидное сиденье.*

– Как хочешь, но держись. Упрешься ногами в бронеспинку пилота и в принципе держишься. Даже ремнями не пристегивались. Но если тряхнет, конечно, не удержишься. Но в пикировании ты же с пулемета не стреляешь, только в прицел можешь смотреть.

– *А на пикировании летчик прицеливается?*

– Да, даешь ему переход. Он раз – в цель, и пошел. Вот он идет, приближается, сбросил бомбы. Кстати, знаешь, у нас в полку два случая было, когда сами под свои бомбы чуть не попали.

Первый случай еще на Дону, в один из первых наших вылетов. Пошли как раз с пикированием. А у человека есть такая привычка. Вот ты, например, уже выстрелил, и тебе кажется, что если довести прицел, то пуля попадет лучше. Так и на самолете. Вот ты сбросил бомбы, но цель уходит под тебя, и ты ее по неопытности хочешь вроде как дожать. Как бы дожимаешь самолет, пошел, пошел, и получается, что в этот момент ты обгоняешь и залезаешь под свои же бомбы. Ведь скорость все время растет. И представь, тогда над нами пролетели наши бомбы... А второй случай еще интереснее.

Командиром звена был у нас Костя Таюрский, хороший парень. И вот как-то отбомбили цель, вышел из пикирования, глянул: «Елки-палки!» Между двигателем и кабиной лежит 250-килограммовая дура... Представляешь?! Без взрывателя уже, без этой вертушки... По спине, конечно, мурашки побежали... Понятно, сбросить надо, а как? Попытался накренить, чтобы скатить ее – двигатель не дает. Хотел вперед сбросить, а тут же винты. В общем, возился, возился, и пока сбросил ее, поседел... Вот такие вещи тоже случались. И ещё интересный случай расскажу.

Был у нас один штурман, еврей. Он еще говорил: «Я, мол, за всех евреев воюю». Так его дважды сбивали, один раз под Сталинградом. И он рассказывал: «Меня спас реглан! Если бы не он, я бы точно сгорел!» Потому что он выпрыгивал уже из горящего самолета, а натуральная кожа всё-таки не так горит, и это спасло ему жизнь.

И еще один случай хочу рассказать. Полетели на бомбометание, и вот один экипаж подбивают на подходе к цели. Ну, летчика ранило. Штурмана Ткаченко тоже зацепило, но несильно. Самолет начинает падать, но штурман берет управление и с большим трудом сажает на брюхо. Но во время посадки сильно ударился и потерял сознание. Летчик без сознания, и Ткаченко потерял. Остался только стрелок-радист Загоруйко. Он начал вытаскивать их из самолета, а тут уже немцы к ним бегут. Тогда он начал из ШКАСа отстреливаться. Когда патроны кончились, из пистолета стал отстреливаться. А последней пулей застрелился... Не сдался! После войны одну школу в Николаеве, что ли, назвали его именем. А сейчас даже не знаю, переименовали или нет. (По данным ОБД «Мемориал», стрелок-радист 135-го ГБАП Загоруйко Николай Федосеевич 1920 г. р. не вернулся с боевого задания 17.03.44 года. Впоследствии выяснилось, что его экипаж был сбит ЗА противника в районе ж/д моста через Южный Буг. Не желая сдаться в плен, застрелился. – <http://www.obd-memorial.ru>.)

В общем, немцы подбежали, а летчик и штурман без сознания. Их грузят на повозку, привезли к себе и поместили в лазарет. Но их даже на допросы не вызывали, потому что наши русские врачи, которые там работали, перевели их в тифозное отделение, куда немцы не заходили. А недели через две наши их освободили, и вскоре вернулись к нам. (В базе данных ОБД «Мемориал» есть сведения, что экипаж 135-го ГБАП гв. мл. лейтенанта Василия Голубева не вернулся с боевого задания 17.03.44 года. Как впоследствии выяснилось, экипаж

совершил вынужденную посадку у села Варваровка Николаевской области. – <http://www.obd-memorial.ru>.)

После возвращения Ткаченко стал летать с командиром звена Колей Прозвонченковым. И вот уже в самом конце войны они пошли девяткой на Пиллау. Но при заходе на цель их подбили, двигатель, по-моему, горел, и немецкие истребители кинулись их добивать. Но Ткаченко успел сбить одного из них, и оба горящих самолета пошли вниз. А летят же над морем, над этим заливом, а Коля то ли плавать не умел, то ли что, но он всегда говорил так: «Я никогда не буду прыгать! Буду тянуть до последнего!» И он потащил. А там же всего ничего, они дотянули, но при посадке самолет взорвался... Вот такая трагическая судьба постигла моего товарища. Был сбит, попал в лагерь, освобожден, опять сбит и смерть... Жалко ребят до слез... *(По данным ОБД «Мемориал», экипаж командира звена 135-го ГБАП гв. ст. лейтенанта Прозвонченкова Николая Ивановича, в составе штурмана гв. мл. лейтенанта Ткаченко Адама Ивановича и стрелка-радиста Марьюшкина Виктора Петровича разбился и сгорел вместе с самолетом в Пиллау 25.04.1945 года. Весь экипаж похоронен в братской могиле в г. Балтийск, – <http://www.obd-memorial.ru>.)*

Вот говорят, потери, потери. А я тебе скажу, что когда мы осенью 43-го подошли к Крыму, то, чтобы полететь двум девяткам, нужно было собирать экипажи и самолеты со всех эскадрилий. То есть за каких-то три-четыре месяца мы потеряли почти пятьдесят процентов летного состава... Потом снова прислали летчиков. Обучили их и опять стали летать. И снова у нас потери, потери, потери... Редкий вылет обходился без потерь... Снова пополнение. Но вот что интересно. Те ребята, которые выжили после первых боев, почти все до конца войны летали. Всего один или два экипажа потеряли. Это, конечно, говорит об опыте, умении. Все-таки, как только научишься немного воевать, тут уже понимаешь, как уходить от ударов, как наносить.

Передача полку именного Пе-2 «Таганрогский пионер», 19 мая 1944 г., Крым

– Я читал, что у вас в полку был именной самолет – «Таганрогский пионер».

– Насколько я помню, его в Крыму уже получили. Да, точно, в Крыму. После освобождения Таганрога пионерская организация решила сделать подарок фронту. Как-то там собрали

деньги на самолет, а так как наш полк носил почетное наименование Таганрогский, то его вручили нам.

– **А кто на нем летал?**

– Вот этого я уже не помню. (Бомбардировщик был построен на деньги, собранные таганрогскими школьниками, и был передан 135-му ГБАП в День пионерии 19 мая 1944 года на аэродроме Веселое в Крыму. Первый экипаж составили: летчик Петр Моисеев, штурман Владимир Пеший и стрелок-радист Владимир Монаев. Кроме Петра Моисеева, на самолете летали Андрей Заплавнов и Николай Бондаренко, написавший впоследствии книгу «Летим на разведку». Все экипажи пережили войну. Всего «Таганрогский пионер» совершил 73 боевых вылета, но использовался в основном для разведки. – <http://waralbum.ru/29680>.)

– **Как вам пулемет Березина?**

– Хороший! Часто, почти каждый полет приходилось им пользоваться. Я же рассказывал о том, как «фоккера» гнали нашу девятку шестьдесят километров? Атаковали-атаковали, но так и не смогли кого-то сбить. Это говорит о чем? О том, что стрелять умели, и они даже не могли приблизиться толком. (Выдержка из наградного листа, по которому командир звена 135-го ГБАП гв. лейтенант Таюрский Константин Дмитриевич был награжден орденом Отечественной войны I степени: «...16.7.44, будучи ведомым в составе группы, произвел бомбардировочный удар по укреплениям противника в южной части города Гродно. При отходе от цели был атакован группой ФВ-190. Воздушный бой длился 10 минут. Благодаря отличной технике пилотирования и дружному огню, все атаки противника были отбиты...» – <http://www.podvignaroda.ru>.) И по наземным целям тоже стреляли. Ведь когда к цели подходишь, стрелок-радист обязательно стреляет из нижнего пулемета по зениткам.

Слева направо: летчик Анатолий Балабанов, стрелок-радист А. Корякин, штурман Николай Воробьев

– *А какую нагрузку обычно таскали?*

– Обычно так: две бомбы по 250 и еще по паре, всего 900 килограммов. Причем все вешали только на внешнюю подвеску.

– *А по сколько вылетов делали в день?*

– Чаще всего один, изредка два и максимально – три вылета. Всего один-единственный раз, помню, сделали за день три вылета. Два вылета – это бывало. Утром вылет и после обеда можем полететь. А три вылета – это, конечно, очень тяжело. Во-первых, три раза в бой идти – это не шутки. Это же помимо физической еще и огромная психологическая нагрузка. Но это зависит от того, дает штаб дивизии задания или нет. Если на утро, часов на шесть-семь-восемь, задания нет, то мы свободно встаем, идем, завтракаем. Сели в машину и поехали к самолетам. И если нет задания, особенно летом, то просто чудесно. Нам строили навесы такие, под них сена навалют, и мы приезжали с машины – бух туда, досыпать. И ждем. А если очень рано уехали, через какое-то время официантки появляются: «Идите кушать!» И вот мы поели, если нет ничего, снова туда же. Но это редко так.

– *А танцы вечером устраивали?*

– Обязательно. Мы всегда к ужину приезжали, и как поели, пошли туда, где баян. Мы же в населенном пункте всегда располагались. Всего один или два раза на аэродроме жили. Хотя нет, в Литве, Пруссии, там же никаких деревень не было. А вот на русской территории после ужина смотрим – гармонист уже играет, молодежь собралась, в основном девчата. Ну и пошли.

– *Романы случались?*

– Конечно! Ведь все молодые совсем. В основном такие полевые романы с девчонками из БАО (батальон аэродромного обслуживания), но некоторые даже поженились. У меня тоже была одна симпатия. Она потом врачом служила в 9-м гвардейском и вышла там замуж за одного Героя. Вот ты читал у Лермонтова рассказ «Фаталист»? Там говорится о том, что судьба каждого человека предначертана. Вот такой случай расскажу.

В полку почти все оружейницы были девушки, и за одной из них, очень симпатичной девчонкой, многие пытались ухаживать. И вот она с одним летчиком закрутила, любовь пошла. Но его сбивают, там печаль... Потом новая любовь, снова с летчиком, и тоже его сбивают. Прошло время, третий – и третьего сбивают. Тут она как отрезала – всё, хватит любви...

Потом прилетели мы в Смоленск. Там большой аэродром, вся дивизия стояла. И стоял еще истребительный полк, вот этот 9-й гвардейский. И вот представляешь, начались там танцульки. Ну, и наши девушки, конечно, пошли. И её прицелил один истребитель. Но там же все всё знают, и ему говорят: «Не ходи с ней!» Он отмахнулся: «А, сказки...»

– *Сбили?*

– Хуже. Полетели в зону, и разбился... Вот что это, случайность?

– *Не знаю.*

– И я не знаю...

– *По-моему, эту историю я уже где-то слышал.*

– Это в нашем полку было, точно тебе говорю. А была у нас другая оружейница, так она «сотку» – бомбу 100-килограммовую – подвешивала сама. Представляешь, все вдвоем еле-еле подвешивают, а она одна могла. Такая мощная была. Но вот однажды разряжала пулемет, а там патрон остался или чёрт его знает как, но она спустила курок, и ей прямо в ногу. Не помню уже, задело кость или нет, но ранение очень серьезное. Там же патрон 12,5-мм, рельсу пробивал....

А был еще случай, когда два офицера из-за девушки дуэль устроили. Подробностей, правда, я не знаю. Но командир эскадрильи, как сейчас вижу его перед собой, а вот фамилия вылетела, он это дело узнал. Ну, как же, там же всё на виду. В общем, он их прихватил и такой разгон дал: «Надо там стреляться, а не здесь!»

– *А вы помогали летчику сажать машину?*

– Нет, я так немного помогал вести её, а сажать не приходилось.

– *Просто я где-то читал, что на Пе-2 там такой прогрессирующий, и при посадке штурман обхватывал летчика руками.*

– Ну, это если летчик плохо садится, то можно прыгнуть настолько, что и шасси поломаешь. Но это если плохой летчик. А у меня Вася был отличный летчик. *(На сайте <http://www.podvignaroda.ru> есть наградные листы, по которым командир звена 135-го ГБАП гв. ст. лейтенант Герасимов Василий Лаврентьевич 1921 г. р. был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны II и I степени. – прим. ред.)* Всю войну только с ним летал, и лишь однажды мы горели. Там как произошло? От цели вышли, вдруг радист сообщает: «За нами шлейф дыма!» Глянули, точно с правого двигателя. Вася посмотрел, посмотрел и говорит: «Это масло! Двигатель пробит, и он сейчас может загореться». Тогда он его выключил, а на одном двигателе «пешка» ходит плохо. В набор почти не идёт, только прямолинейно со снижением потихоньку. И так мы до самого аэродрома тянули. На второй круг даже не думаем уходить, это уже каюк. Так он и не загорелся. Но когда сели, посмотрели, а там вот такая дырища... Как в той песне поется: «Хвост горит, бак пробит, но машина летит...»

– *«На честном слове, на одном крыле».*

– А раз пошли большой группой на Гумбиннен. Три девятки и около двадцати истребителей прикрытия. Уже почти на цель вышли, идем, остается до нее минуты три-четыре, как вдруг сильный разрыв зенитного снаряда под крылом. Самолет сильно качнуло, и по внутренней связи голос нашего радиста: «Рация разбита, я ранен!» Спрашиваю Гришку: «Сильно ранен? Терпеть можешь? До цели всего три минуты». – «Не знаю, – отвечает, – попробую». Наконец бомбы сбросили – железнодорожный узел в огне. А как развернулись, дают нам команду выйти со строя и на форсаже домой.

Прилетаем – а на полосе уже санитарная машина стоит, и медики к нашей кабине кинулись. Думали, что летчик ранен. Нет, радист. Гришку, значит, раз, а у него осколок в мягком месте. Но повезло. Он же сидел на парашюте, и осколок, представляешь, пробил вот эту упаковку шелка в 20 сантиметров и на несколько сантиметров воткнулся ему в задницу. Ну, он полежал в санчасти дня три или четыре и вернулся обратно. А мы с Васей посмотрели, а у нас 25 пробоин от осколков. После всё удивлялись, как это случилось, что ни один из осколков не попал в бензобак, хотя разбитая рация совсем рядом. Повезло... А вот двум экипажам в том бою не повезло... Зато я, сколько пролетал, в каких только переплетах не был, и в воздухе, и на земле, но, видно, в рубашке родился. Видимо, в моем компьютере не запрограммировано такого случая... Я вот потом посчитал, я же на фронте все время в боевых частях: Сталинград, Дон, Украина, Крым, Белоруссия, Литва, Восточная Пруссия, и не где-то там, а все время в боях. Зато Победу, как ты думаешь, где встретил?

– *И где же?*

– В доме отдыха. Дело в том, что во время Кенигсбергской операции мы с Васей сделали больше всех вылетов, и в качестве поощрения нас отправили на отдых. Командование нашей дивизии создало свой вроде как мини-дом отдыха, в котором отдыхали летчики. Со всех трех полков по несколько экипажей. Причем такое давно практиковалось, потому что мы

с Васей так отдыхали еще после Севастополя. И вот после Кенигсберга один или два экипажа нас направили в этот дивизионный дом отдыха. Ну, это буквально километров 15–20 от нашего аэродрома. И вот ночью на 9 мая вдруг слышим крики, гам, стрельба. Вскидываем – что такое?! Бандиты напали? Тут вбегает в нашу комнату заведующий этого заведения и кричит: «Ребята, Победа!» Оказывается, со штаба позвонили: «Поздравьте ребят с Победой!» Мы ему говорим: «Давай, тащи водку, Победа же!» – «Нет, ребята, водка будет, но только за завтраком». Пришли на завтрак, стоят бутылки с водкой, и уже не по 100 граммов, а по стакану. Вот так встретил.

– *Какие у вас награды?*

– У меня получилось интересно. Первую «звездочку» я получил за освобождение Украины. Вторую «звездочку» – за освобождение Севастополя. «Отечественную войну» – за освобождение Белоруссии, а «Красное Знамя» за взятие Кенигсберга. Получается, за все крупные операции, в которых мы участвовали, я в итоге получал орден.

– *А Герои у вас были?*

– Да, сразу несколько. Во-первых, наш первый командир полка Валентик Дмитрий Данилович. Но он Героя еще за финскую получил. Хороший командир. Летать с ним было одно удовольствие.

– *А он сам летал?*

– Конечно, причем немало. Если весь полк вылетает, то непременно сам командир полка ведет. И вот как с ним полетишь, так после возвращения можешь смело идти считать, сколько у тебя пробоин. Потому что он выходит на цель километров за 10–15 от нее и идет одним курсом, высотой и скоростью. Как уперся, так не сдвинется. Хотя мы в последнее время бомбили уже по-другому, с разворота. Я с большой теплотой вспоминаю штурмана нашей эскадрильи капитана Лашина, потому что это был настоящий мастер своего дела. Под его руководством вся эскадрилья делала противозенитные маневры и заходила на цель не по прямой, а с разворота. Вроде идем в сторону, а потом с разворота заходим на цель, выходим на эту прямую, причем перед самой целью. Когда до нее остается всего минуты три. Но он штурман был от бога, и ему этих минут было достаточно, чтобы точно выйти на цель. Он уже такой опыт имел, что мог без расчета бомбить. Только ветер узнает, и ему этого достаточно. А штурмана звеньев и не целились даже. Все смотрели на него, потому что была команда бомбить по ведущему. И вот командир звена смотрит за ведущим самолетом. Как только у того бомба оторвалась, так сразу жмешь на кнопку. А твое звено следит за тобой, и как твои бомбы пошли, так и они сбрасывают. С ним я сделал десятки вылетов, и благодаря его мастерству мы несли минимальные потери от зенитного огня, и не было случая, чтобы наше бомбометание оценивалось меньше чем на «хорошо». Не зря Родина отметила его званием Героя. *(Лашин Михаил Афанасьевич (1918–1998) – Герой Советского Союза. В годы войны совершил 266 боевых вылетов 145 на Су-2 и 121 на Пе-2. В качестве старшего штурмана водил в бой 48 звеньев, 91 группу и «девятку», 29 групп по 2 «девятки», 16 групп по 3 «девятки», общим количеством 1816 самолетов. Более 80 % вылетов групп, ведомых тов. Лашиным, оценено на «хорошо» и «отлично». Лично сбросил на врага 162 500 кг бомб и 495 000 листовок. В воздушных боях лично сбил 1 самолет противника (Me-109) и 2 в группе. – прим. ред.)* От штурмана ведь очень многое зависит, если не сказать всё. Вот я тебе расскажу, как у нас сняли штурмана полка.

Пошли на цель тремя «девятками». Это был чуть ли не самый первый мой боевой вылет. Сам ничего не понимал, только смотрел за ведущим и повторял все за ним. В общем, когда взлетели, самолет комполка почему-то пошел другим курсом. А штурман нашей эскадрильи удивился, почему по радио ничего не передали, а он сошел с курса. Ну, думает, может быть, ему дали какое-то другое задание. И повел нашу эскадрилью, как и было изначально заплани-

ровано. Вышли на цель, отбомбились. А те две эскадрильи, оказывается, заблудились, даже передний край не пересекли и отбомбились по нашей территории. Хорошо, там ничего не было, ну, убили какого-то теленка. И его со штурмана полка сразу сняли и назначили другого.

– А почему в декабре 44-го вместо Валентика назначили Палия? Случилось что?

– Нет, вроде ничего. Просто перевели куда-то. С Палием мы тоже немало летали, но, мне кажется, не так часто, как с Валентиком. Он, кстати, тоже Героем был. *(Палий Федор Прокофьевич (1916–1996) – Герой Советского Союза. В годы войны совершил 168 боевых вылетов, из них 25 в качестве командира 135-го ГБАП. – прим. ред.)*

– Как сложилась ваша послевоенная жизнь?

– Как война кончилась, нас отправили в Западную Литву, помогать добывать Курляндскую группировку. Но пока перебазировались, она уже сдалась, так что больше на бомбежку летать не пришлось. Ну, занять нас чем-то надо, так командир полка приказал: «Всему летному составу чистить оружие с самолетов!» Давай снимать пулеметы, разбирать их, чистить. За всю войну тогда первый раз пришлось разобрать пулемет.

– Говорят, в летных частях сразу после войны прокатилась война самоубийств. Молодые летчики, кроме войны, ничего не знали, и, как жить дальше, не представляли.

– Нет, такого у нас не было. Другое было. Кагэбэшники никак не могли справиться с «лесными братьями», так стали привлекать нас. Они шарили по этим лесам, хуторам и, чуть что, посылали нас на захват. Представляешь, какую дурость придумали? Хорошо, пока мы туда доберемся, эти бандиты уже смывались. Но могли ведь не смыться и пострелять нас к чертовой матери. Мы же совсем неопытные в этом деле, а нас посылают. Хоть стреляли мы хорошо.

Пока мы там стояли, от нечего делать куда-нибудь уходили подальше, мишень вешали и начинали стрелять. Целые пачки патронов расстреливали. Так я тогда настолько наловчился из пистолета стрелять, что в Академии помогал ребятам сдавать зачеты. В первый же год после экзаменов нас отправили в лагерь, до начала учебного года, и там нужно было сдавать какие-то нормативы по стрельбе. А некоторые ребята плохо стреляли. На 2-ю ступень ГТО не могли сдать. Так вот, становлюсь с ним рядом и тихонько говорю: «Ты стреляй по моей мишени, и только последний выстрел сделаешь по своей». И вот я четыре выстрела по его мишени сделаю, причем не напрягался, но с девятки не выпускал никогда. Стреляешь – всё, ему зачет, тебе развлечение. А в академию я, можно сказать, случайно поступил.

– Как это можно в академию случайно поступить?

– Говорю тебе, случайно получилось. Вскоре после войны к нам приехали «купцы», как мы их называли, приглашать поступать в Военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского. Ну, послушали их, не особенно загорелись, у нас один только готовился поступать. Но нас заинтересовало, что предварительные экзамены проводились в Риге, и только потом лучших вызывают на экзамены в Москву. И мы вчетвером решили, дай, думаем, поедem: «Не сдадим, да и чёрт с ним! Зато три дня погуляем в Риге». Разве плохо?

Ну, приезжаем туда, все готовятся, а мы по ресторанчикам ходим. Пошли на математику, и мои товарищи контрольную завалили, и только я получил «удовлетворительно» или «хорошо», в общем, положительную оценку. Ну что, дальше надо сочинение писать. Написал на «тройку». Мои ребята говорят: «Все, мы уже отдохнули хорошенько, все деньги прогуляли, можем ехать домой». Только тот, который изначально готовился в эту академию, он что-то остался еще досдавать. Там некоторых оставили, чтобы пересдать могли. А мне сказали: «Вам придет вызов!» Тут у меня как раз отпуск подошел. Приехал домой, а как там готовиться к экзаменам? Только алгебру с геометрией просмотрел, а больше ничего и не смотрел. Думаю,

приеду – мне еще месяц подготовки дадут. Там же для подготовки к поступлению положен отпуск, месяц или два.

Приезжаю из отпуска, а мне и говорят: «Телеграмма пришла, тебя срочно вызывают на экзамен». Я в замешательстве: «Какие экзамены? Я же еще не готовился к ним». Ладно, думаю, хрен с ним, поеду в Москву, хоть погуляю: «Ребята, дайте еще денег!» Ну, ребята собрали меня, и я поехал. А в Москве посадили в аудитории, и абитуриенты эти, которые сдавать должны, выходят к доске и начинают щелкать такие задачи, примеры по упрощению. Думаю: «Куда я попал?! Да тут профессора против меня...» А оказывается, это ребята с подготовительного факультета. Ну ладно, пошли на первый экзамен. А там так, сегодня экзамен, завтра и послезавтра, каждый день какой-нибудь экзамен. Ну, первую я контрольную по алгебре написал. Потом геометрию. Ну, а потом я успешно завалил какой-то экзамен, но почему-то меня ни на первый, ни на второй день не вызывают. Там же девять человек на место, и каждый день перед строем зачитывали: «Такой-то, такой-то, такой-то, такой-то – в отдел кадров, за документами». Ну, думаю, раз не вызывают, значит, оставляют, ориентируют на подготовительные курсы. А раз так, то чего уж сейчас сидеть и долбить? Оставался последний экзамен по химии, но я поехал, как раз праздник какой-то был, с подружкой в Химки на целый день. К вечеру приехали, а наутро химию сдавать. Я взял учебник с собой, почитал, пришел, на тройку сдал. И ты представляешь, ребята уезжают, уезжают и уезжают, а нам зачитывают приказ: «Все оставшиеся зачислены в академию на подготовительный курс на шесть месяцев». И только потом нужно вступительные экзамены сдавать. Ладно, думаю, всё лучше в Москве на подготовительном курсе, чем под Кенигсбергом.

Приехал на эти курсы, а там занимались по десять часов ежедневно! Жуткое дело... И вот когда уже экзамены подходят, помню, математичка приносит нам по два билета с прошлых экзаменов, и мы два часа их решаем. По два билета делали за два часа, а на экзамене на один давали четыре часа. Ну, кто кончил, кто нет, но я почти успевал сделать два билета. Вот так нас натаскали, знали материал преотлично, что когда уже шли на экзамен, посмотрели на этих приезжих: «А, салажата приехали...» Тут я вспомнил тех, на кого сам смотрел с такими глазами, а сейчас мы сами такими стали.

Карюков Валентин Дмитриевич

Ну, сели сдавать, пишу, а мы договорились, как последний закончит, так всей группой факультативистов встанем и уйдем с экзаменов. Я часа за два все закончил, но мне хотелось узнать ответ. А мой товарищ чего-то вдруг подумал, что у меня нет решения, и написал мне шпору. И когда ее передавали, не доходя за три или за четыре человека, ее заметил преподаватель. Подходит, эту шпору берет: «Кому эта?» Посмотрел, увидел, что это мой вариант: «Давайте вашу контрольную!» Я ему говорю: «Я свою уже сделал!» – «Давайте контрольную!» Подаю, он вкладывает в нее эту шпору: «Можете быть свободны!» Хорошо, тогда после письменной контрольной по математике сдавали еще и устно. И на устном экзамене можно было поправить свою оценку. Ну, ладно, приходим на устный. Беру билет, посмотрел и говорю преподавателю: «Я готов отвечать без подготовки!» – «Ну, давай». Подхожу к доске, пишу пример, раз-раз, раздолбал его. Дальше то же самое. Он видит, что у меня прямо от зубов отскакивает: «Ну, я вам ставлю «отлично»! Давайте посмотрим, что у вас с контрольной». Открывает: «Так у вас два балла. За что это вам?» Я объясняю, так и так. Он говорит: «Ну ладно, давайте еще с вами поговорим». Дал мне три или четыре хороших примера, я их расщелкал. Тогда он говорит: «Я вам ставлю общую оценку «пять»!» Представляешь, с двойки исправить на пять? Вот так я в 1949 году поступил в Академию Жуковского, но, по сути, случайно туда попал. Окончил ее, но на этом мой летный путь был завершен. Прослужил инженером полка три года, а в 1960 году демобилизовался и переехал в Краснодар. Здесь с 1960 по 1992 год преподавал в политехническом институте. Ну как тебе мой рассказ?

– *Шикарно!*

– Ты уж постарайся, напиши хорошо. Пусть память о ребятах останется...

Лит. обработка: Н. Чобану

Рапота Алексей Никифорович

Рапота Алексей Никифорович

– Если не ошибаюсь, вы родились в Казахстане?

– Да, действительно, родился я в Казахстане. Но давайте начну чуть издалека. Мои дед и прадед жили неподалеку от Харькова. Но во времена столыпинских реформ, в частности в 1910 году, когда переселенцам на восток давали большие льготы, они своей семьей, а также еще несколько их односельчан отправились в Казахстан. Земли неосвоенной там хватало, и они осели в совершенно молодом селе Апановка, что в ста километрах южнее Кустаная. Вот там я и родился в 1922 году, и там прошло мое детство. Но в 1929 году мы переехали в Среднюю Азию. Как раз в тот момент, когда в стране началась коллективизация.

У деда было пять сыновей. Самый старший из них – мой отец. Как у нас положено в таких случаях – ему хату строят, какой-то участок земли выделяют. Таким образом, в 1927 году отец обзавелся своим хозяйством и начал жить самостоятельной жизнью. Но уже через пару лет его хозяйство значительно окрепло. Появились две лошади, держали двух коров, ну, и другой живности по мелочи.

Но когда началась коллективизация, это многих напугало. Честно говоря, многое тогда делалось не по-людски. Скот отбирали, лошадей. Доходило до того, что женщины с ведрами бегали на колхозную ферму к своим коровам. Они же не доены, мычат, так еще ведь и не пускали к ним. Конечно, это все малопривлекательно было, и отца это напугало. Потому в 1929 году он и решился на переезд. В Средней Азии в тот момент жили братья моей мамы, они и позвали нашу семью к себе.

Как приехали, отец сразу же устроился на работу. Но вот с жильем тогда все обстояло совсем плохо. Сначала мы поселились у моего дяди, но у него же своя семья. Потом переехали в другой дом, но и там ничуть не лучше. Мать все время в слезах, ну когда же мы станем жить в своей хате? Написали папиному брату на Украину. Обрисовали ситуацию – семья с четырьмя детьми мыкается с квартиры на квартиру. И вдруг от него приходит ответ: «Я вам купил дом». Вот так мы и вернулись на Украину. Особенно обрадовалась мама – свой дом, свой огород, сад.

Только приехали, а в 1932-м наступил голод... Впрочем, поначалу все было не так страшно. У людей еще оставались кое-какие запасы, и этот год выдался не таким страшным. А уже через год, в 33-м, урожай вышел колоссальным. Я тогда работал на молотилке, и вы даже не представляете, сколько соломы я вывозил из-под нее. Только отвез и вернулся, а ее опять выше крыши. Тем не менее было приказано весь хлеб вывезти. Прежде всего в города. Необходимо было кормить рабочих в городах, чтобы бунты не начались. И вывезли все! Подчистую! Ну, а что делать, когда четверо детей? Отец пошел работать на шахту, которая находилась в 12 километрах от дома. Домой приходил всего раз в неделю. Принесет одну булку, и все... И нас четверых с мамой спасла корова. Считаю, питались только молоком да зеленью. Помню, как отправлялся в поля, где собирал дикий щавель и дикий лук. Раньше-то я и не знал ничего об этих растениях. Также в четырех километрах от дома был огромный колхозный огород, и дети его своим вниманием явно не обижали. Всегда что-то приносили и оттуда. Можно сказать, что нас это спасло. А вот мама наша сильно недоедала. Она даже пухла от голода.

Но в Казахстане же остались братья отца. Мы переписывались, и однажды они нам ответили: «Приезжайте! Здесь все нормально». И мы вновь вернулись почти на то же место, откуда уехали. По приезду папа сразу устроился на работу кладовщиком на ферму. Там была центральная усадьба, в состав которой входило четыре или пять скотоводческих ферм, уже не помню точно. На каждой по 300–400 голов скота. Вот только находились они довольно далеко друг от друга. Но содержать такое количество животных было вполне реально, поля-то в Казахстане огромные.

– А на Украине вы где жили?

– Село Красное – это родина Прокофьева. Именно там родился гениальный композитор. (Село Красное Красноармейского района Донецкой области. – Прим. С. Г.)

– *А в чем, на ваш взгляд, заключалась причина голода на Украине?*

– Голод, кстати, коснулся не только Украины. Это сейчас твердят, что ее специально заморили голодом. Но случился неурожай, и голод затронул не только Украину, но и Поволжье, и ряд центральных областей России. Да, Украина являлась одной из основных житниц страны, поэтому удар получился таким чувствительным. Ведь в Средней Азии выращивали свои культуры, а в Поволжье хороший урожай вообще вызревает только через четыре года на пятый. Так что в 1932 году урожай из-за засухи не удался.

Теперь вернемся к Казахстану. Школы на этой ферме не было. Только 1-й и 2-й классы. Что интересно, находились они в одной комнате. В 1-м классе – два-три человека и во 2-м столько же. И на оба класса один учитель. К тому же русских на этой ферме было всего пять или шесть семей. Все остальные – казахи. Отношения с ними были абсолютно нормальные. Еще мальчишкой я дружил и играл с ними. До сих пор помню, как мы резались в «нальчики», которые делались из овечьих костей. Выиграл – забираешь «нальчик» соперника, проиграл – отдаешь. Вот только учиться они не особенно хотели. Это потом уже советская власть стала их подтягивать. Поняли необходимость национальных кадров со средним и высшим образованием, поэтому льгот у казахов хватало. Даже с двойками их брали в институты и университеты.

А меня отец отправил в Семиозерку, это за 40 километров от нашего дома. Меня, 12-летнего, и моего брата Андрея, который был на полтора года моложе, поселили в общежитии центральной усадьбы. Нас там жило человек четырнадцать. Как сейчас помню, мы на втором этаже, а на первом жили немцы – мужчина и женщина. Именно они и ухаживали за общежитием, и за нами приглядывали. Готовили еду.

Пришел я в школу. Стали со мной разговаривать, но на тот момент я говорил лишь по-украински. У нас же в Апановке почти все были переселенцами с харьковщины, и язык преимущественно использовался украинский. А тут мне сразу дают диктант на русском. Ну, написал я его. Проверили... Приносит учительница мою тетрадь, а она вся красная. Помню, в слове «еще» умудрился сделать четыре ошибки. Понятно, после такой проверки в 4-й класс меня не пустили, и пришлось опять идти в 3-й. Впрочем, уже 7-й класс в центральной усадьбе я закончил с отличием и даже получил премию. Выдали мне тогда полное собрание сочинений Александра Сергеевича Пушкина, которое я храню до сих пор. Эти книги ездят со мной повсюду всю мою жизнь.

Закончил я, значит, семилетку и приехал домой. Что дальше делать? Отец хотел, чтобы я пошел работать, стал помогать семье. Он не без основания говорил: «У меня образование – всего четыре класса, а живу не хуже других». Но моя покойная мама, несмотря на свою безграмотность, была категорически против. Она мечтала видеть меня, как она выражалась, ученым. Пределом ее мечтаний было увидеть меня учителем. В ее понимании люди, которым доверено учить других, – это самые просвещенные и культурные люди в обществе. Вот она и видела во мне учителя и мечтала, чтобы я стал педагогом. Но отец в нашей семье считался непререкаемым авторитетом, и он предложил такой вариант: «Давай, поработай год, а потом поедешь учиться дальше». В этом тоже был свой резон. Все-таки в семье из шести человек трудился только он один, а его зарплата была не так уж и высока. На том и порешили.

Стал работать на ферме, но однажды меня вызвал директор и спрашивает: «Хочешь быть радистом?» Я без колебания дал согласие, хотя даже понятия никакого не имел ни о радио, ни о предстоящей работе. И меня отправили в Сулукуль на месячные курсы, где научили самым элементарным вещам: как включать передатчик и приемник, как их настраивать, вести передачу, прием, и т. д. и т. п.

Вернулся, стал работать. Три или четыре раза в день связываешься с нужными хозяйствами, центральной усадьбой и передаешь туда-сюда распоряжения, данные и прочую инфор-

мацию. Там же расстояния еще те, а телефонной линии еще не было, так что всю связь держали по радио.

А там у нас работал магазин, которым заведовал один казах. Что там с этим человеком случилось, не знаю, но директор вызвал меня к себе и с порога сразу заявил: «Парень, принимай магазин!» А мне только 15 лет... Товару уйма – от спичек и соли до пальто и шапок, других же торговых точек на ферме просто нет. Хорошо, рядом находились склады, на которых работал отец. Директор попросил его помочь мне, и после этого я согласился занять эту должность. А завмаг в поселке, скажу я вам, фигура значительная. Даже сам порой удивлялся. Со мной здороваются, мне кланяются, многие называют только по имени-отчеству...

– Товары были только отечественные или попадались и импортные?

– Какой импорт?! Только отечественные. Такого разнообразия, как в нынешних магазинах, конечно, не было и в помине. Тем не менее на ферме никто не голодал. Сахар, мука и прочие продукты имелись в достатке. Тяжелее было с одеждой, но голым также никто не ходил. И все, что имелось в наличии, я выкладывал на прилавок. В общем, все складывалось неплохо, и я проработал там до 1938 года. Но настал такой момент, когда уже было необходимо уезжать, если хотел учиться дальше. И я на радость маме поступил в Кустанайское педагогическое училище.

Проучился там два года, но по всему чувствовалось, что время наступает тревожное. В Европе уже вовсю полыхала война. Наши войска вошли в Прибалтику, Западную Украину и Белоруссию. Поэтому все больше и больше говорилось о войне, писалось в газетах. Мол, «... мы чужой земли не хотим, но и своей вершка не отдадим. А уж если свиное рыло сунется в наш огород, то получит по заслугам...». Повсюду расклеивали плакаты с призывами готовиться к защите Отечества. Постоянно слышались песни: «Мы смело в бой пойдем...», «Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой...», и мы были глубоко убеждены, что нет такой силы, которая смогла бы нас одолеть.

В это время по всей стране создавалась целая сеть новых военных училищ, в которые объявлялись комсомольские наборы. Подал заявление и мой младший брат Андрей. Он хотел стать артиллеристом или моряком. Но я его отговорил, сказал, что он еще слишком молод и всегда успеет.

А через какое-то время меня вызывают в горком комсомола и делают такое предложение: «Алексей, надо показать пример комсомольцам – подать заявление с просьбой направить в военное училище». К тому времени я уже был секретарем комсомольской организации педучилища и как комсомольский вожак отказаться просто не мог. Тут же написал заявление...

Секретарь горкома подает бумагу: «Ну, выбирай, в какое училище пойдешь». А список-то немалый: и танковые, и морские, и артиллерийские, и какие хочешь, но я, недолго думая, сказал, что хотел бы в авиационное.

Просто в те годы была такая хорошая традиция. Когда в отдаленные районы самолетом доставлялись грузы, то там летчики поднимали в воздух передовиков производства. Вот на таких покатушках я впервые и увидел самолет. И, насколько популярна авиация в те годы была, объяснять, надеюсь, не стоит. Полеты Чкалова, Громова, наши летчицы на Восток отправились... После такого триумфа как не быть шумихе? Да и самолеты наши стали появляться. На всю страну тогда уже были знамениты машины Туполева и Поликарпова.

В общем, через неделю вместе с другими ребятами прошел все комиссии, и мне объявили, что я направлен в Ташкентское авиационное училище. На второй или третий день было приказано явиться с вещами на сборный пункт в готовности убыть к месту назначения.

Я дал домой телеграмму. Там всполошились и тут же выехали, но меня уже не застали. И если многих ребят провожали родители, родственники, то меня только один брат. Андрей,

кстати, когда узнал, что я ухожу в военное училище, ужасно возмутился и обвинил меня чуть ли не в предательстве. Получается, его же я лично отговорил, а сам подал заявление...

Не скрою, на душе было тяжело и горько. Я совершенно не представлял, что меня ждет, хотя и думал, что неплохо бы стать военным. Но, когда это случилось, я понял, что это надолго! Тем более об авиации я имел самое смутное представление, а тут еще такая обстановка... Перед отъездом я в последний раз зашел в педучилище и почувствовал, как защемило сердце. Все казалось таким родным и близким... Все ребята и преподаватели желали мне хорошей службы и успехов. Но для всех мой скорый отъезд стал большой неожиданностью. Кое-кто из учителей говорил: «Не лучше ли было бы это сделать после окончания педучилища?» Но, как оказалось, не только мне, но и другим ребятам не удалось его закончить – шли большие наборы, и с нашими желаниями не считались. Надо было готовиться к защите Родины, и этим сказано все... В общем, все произошло настолько стремительно, что, пока родители преодолели 100 километров до Кустаная, я уже оказался в Ташкенте.

Там в начале ноября успешно сдал все экзамены, и после месячного карантина уехал непосредственно в училище, которое располагалось в городке Чирчик.

– Расскажите, пожалуйста, про училище. Как строилось обучение, какие ребята вместе с вами служили, вообще, что запомнилось?

– Училище было огромным – 2500 курсантов, пять аэродромов, на каждом из которых располагалось не менее 20 самолетов У-2 или Р-5. Ведь новые самолеты Яковлева, Туполева, Петлякова, Ильюшина только начали производить, и они сразу же отправлялись в округа, прежде всего на западном направлении, и до нас на тот момент они просто не дошли.

Я попал во 2-ю эскадрилью, в 3-й отряд. Командиром этого отряда был капитан Волков. К нам он относился по-отечески, умел нас заинтересовать, увлечь, подзадорить, и мы, в свою очередь, изо всех сил старались его не подводить. Старшиной отряда был Заманский – хороший, спокойный человек. А вот командир отделения Поршнев не давал нам покоя ни днем ни ночью. Без конца к чему-то придирался, поучал.

В связи с тем что наша учеба началась с некоторым опозданием, занятия шли в очень напряженном режиме. Занимались буквально с утра до самого вечера, лишь с перерывом на обед. Под классы были приспособлены временно построенные помещения, все комнаты нашего клуба и даже кинозал. И такой ритм учебы дал свои результаты. Изучать теоретический курс мы начали 1 декабря 1940 года, а уже в июне 41 года стали летать. Никогда не забуду, как я впервые сел в кабину самолета и совершил свой первый полет.

К выполнению задания готовился с особой тщательностью, суть которого сводилась к тому, что я должен был ориентироваться по местности и проложить фактический маршрут полета. Летел с опытным инструктором. В алюминиевом планшете – крупномасштабная карта. С карандашом в руке смотрю за борт и сличаю ее с местностью. День стоял жаркий. В кабине чувствовался запах бензина. Самолет побалтывало, и уже после нескольких минут полета я почувствовал, что меня начинает тошнить. Но продолжал мужественно выполнять поставленную задачу. Инструктор оглянулся на меня и, видимо, понял, что пора возвращаться, заложил крутой вираж и взял курс на аэродром.

В июне же начали летать на стрельбу, бомбометание и другие сложные виды летной подготовки. А уж когда узнали о начале войны, наша учеба стала еще напряженней. В перерывах между занятиями мы собирались у репродукторов и слушали последние известия, которые тяжелым грузом ложились на наши сердца...

И уже в августе мы почувствовали первый холодок войны – пришел приказ сформировать авиационную эскадрилью, укомплектовав ее самолетами училища, летчиками-инструкторами и курсантами. Командиром эскадрильи был назначен наш командир отряда капитан Волков, которому присвоили звание майора. Эта эскадрилья вошла в полк, который уже в октябре

отправили на фронт. Но это же было самое тяжелое время – немцы тогда прорвали оборону под Смоленском и на полном ходу перли на Москву. И этот полк на Р-5 «сгорел» буквально за неделю...

После убытия этой эскадрильи поступил новый приказ – отобрать 20 наиболее успевающих курсантов, дать им дополнительную тренировку в полетах и направить в Фергану, где на базе училища летчиков формировался полк ночных бомбардировщиков. В эту группу включили и меня, и в течение месяца мы интенсивно тренировались летать ночью. Когда прибыли на Калининский фронт, нам эта практика очень даже пригодилась.

И, наверное, в декабре нам зачитали приказ о формировании полка, объявили его номер – 666-й – и руководящий состав. Командиром полка был назначен капитан Илларионов Иван Иванович, комиссаром – батальонный комиссар Чуб, а начальником штаба – капитан Железняк Михаил Владимирович. Тут же началось формирование эскадрилий, звеньев и экипажей. Я получил звание старшего сержанта и был назначен штурманом звена, а моим командиром – Коля Котельников.

Наконец, пришел приказ об убытии на фронт. В указанный день подали эшелон, и началась погрузка. Грузили все подряд, начиная от самолетов и кончая канцелярскими принадлежностями.

Часов в десять утра – последнее построение. В этот момент я вспомнил своих – мать, отца, братьев, сестру... Новый сигнал горниста: «Отправляемся!» – затем протяжный гудок паровоза, и поезд медленно тронулся с места. Так закончилась моя мирная жизнь и учеба. Мы ехали на фронт. Теперь это уже ни у кого не вызывало сомнения. Всех ждала неизвестность... Для размышлений времени было предостаточно, тем более мы находились в настроении, какое испытывает человек, идущий на что-то большое и важное. Мы запели «Тучи над городом встали...».

До места выгрузки ехали несколько суток, хотя по мирному времени это расстояние было небольшим. Ночью прибыли на станцию Валдай и получаем команду: «До утра все перетащить в лес!» – ведь эшелон должен был уйти еще затемно. Но все предстояло перетащить на руках, ведь никаких тракторов и машин не было. И весь личный состав вместе с командованием работал на разгрузке. В снегу по пояс работали все до единого, и командиры, и инженеры, и никого не приходилось подгонять или уговаривать.

Работали быстро. Пот катил градом, особенно с нас, летчиков, одетых в теплые комбинезоны. Самолеты сразу затаскивали в лес и маскировали, туда же заносили и все имущество. После первых рейсов обозначилась дорога, а к концу разгрузки она стала уже почти накатанной. И до утра мы все-таки успели все разгрузить и перетащить.

В лесу какой-то инженерной частью для нас было построено три или четыре землянки. Но сидеть в них не пришлось – сразу же приступили к сборке самолетов. По этому поводу я позже напишу:

*Мы самолеты собирали
не как теперь: по чертежам,
и наши пальцы примерзали
к холодным гайкам и шпилькам.*

И они действительно примерзали, потому что в рукавицах работать было невозможно, а значит, их приходилось снимать, и все делали голыми руками. Но к установленному сроку все самолеты были собраны и опробованы.

Нам было приказано перебазироваться на аэродром Максимова, что в тридцати километрах от линии Калининского фронта. И вот тут мы понесли наши первые потери...

– Как это случилось?

– Командир полка включил меня в оперативную группу. Ребят пять-шесть. Мы должны были на машинах первыми приехать туда, чтобы пройти по селу и расписать все дома, кто и где будет расквартирован. И мы уехали.

Дня два там проработали, и на закате во главе с командиром полк садится. И один самолет сел чуть позже. Но смотрю, а моего Коли все нет. Думаю, как же так? А в моей машине вместо меня полетел инженер полка. На самом деле в общем строю штурман и не особенно нужен. В общем, те, кто позже прилетел, сказали, что видели, как их самолет забарахлил и у какой-то деревни сел. Но дело уже к ночи, и чуть свет комполка сразу летит туда. А там ему говорят: «Да, так и есть. Но летчики посидели минут пятнадцать, что-то там исправили и сразу вылетели». И все, ни слуху ни духу... Догадывались, конечно, что они проскочили линию фронта, там она была очень незаметная, но до самой весны все гадали, что же с ними случилось?

И вот в апреле как-то после ночных полетов выходим из нашего дома и видим: идет мимо толпа гражданских и несут свои пожитки на плечах. Наши войска освободили их деревню, и они возвращались через наше село. Вдруг к нам подходит мальчик лет четырнадцати. Подошел, поздоровался, а потом и говорит: «У нашего разъезда немцы расстреляли двух летчиков...» Стали его расспрашивать, сопоставлять, все точно, время и место совпадают... Оказалось, это были мой Коля и главный инженер полка... Но на моей памяти это был единственный подтвержденный случай, когда наши ребята попали в плен. Хотя нет, ошибаюсь. Вот вам еще одна история.

В 1942 году была большая нехватка летчиков, и нам поступила такая директива: «Штурманов, которые хотят летать на Ил-2, отправить на обучение». И мы вчетвером изъявили желание. Я был на хорошем счету, у меня все получалось, но на курсы отправили только одного – Алексея Тарана. Он уехал, переучился, стал летать, и все было нормально. Но потерь же больше всего было именно среди «Илов», и уже после войны мы узнали, что он попал в плен. После Победы вернулся, но проверку в органах не прошел. В заключении и умер... Увы, но деталей всего я не знаю. Слышал только, что одна женщина привезла из лагерей его письмо жене. А у меня про него есть рассказ «Тринадцатый», он летал у нас на самолете с таким номером.

– Свой первый бой помните?

– Как раз к этому я и подхожу. Прибыв на этот аэродром, мы получили приказ – нанести удар по живой силе немцев, находящихся в 20–25 километрах юго-западнее Ржева. К своему первому боевому вылету я готовился как никогда тщательно: произвел необходимые расчеты, проложил маршрут, изучал характерные признаки и ориентиры по маршруту и в районе цели. Тем более что мне пришлось лететь в одном экипаже с комиссаром нашей эскадрильи Елькиным.

Помню, вылетели вторыми или третьими. Ночь выдалась очень темной, сплошная облачность, небольшой ветер и слабый снег. Мы шли под облаками, чуть касаясь нижней кромки. Прошло минут тридцать, и комиссар указал мне рукой, а затем сказал по переговорному устройству: «Линия фронта». Но я и сам об этом догадался. Ведь когда подлетаешь к линии фронта, там прямо светлая полоска тянется, потому что немцы без конца пускали осветительные ракеты. Добавьте к этому пожары, они тоже существенно помогали ориентироваться в полете. По обе стороны линии фронта то и дело вспыхивали разрывы снарядов. Плюс к этому – очень удобно было ориентироваться по минометному огню. Вспышки от взрывов мин словно шарики перекачивались с той и другой стороны. На горизонте я видел, как по небу тянутся трассы зенитных снарядов – по времени и направлению я понял, что противник открыл огонь по экипажам, вылетевшим перед нами. Тут я почувствовал, как у меня учащенно забилося сердце. Помню, подумал: «Вот она, война... Что она для меня приготовила?» Линия фронта осталась позади, и теперь я не отрываясь смотрел на землю, чтобы не проскочить цель и как

можно точнее на нее выйти. Но впереди беспросветная темнота. Только кое-где и на какие-то мгновения вспыхивали и тут же гасли огоньки. Хотелось быстрее выйти на цель, сбросить бомбы и вернуться на свою территорию, но мне показалось, что время затормозило свой бег. Еще несколько минут – и вот цель! Чтобы убедиться, что мы вышли правильно, я решил бомбы с первого захода не бросать. Немцы молчали, и для меня это показалось странным. А оказывается, у них была такая тактика – пока наши самолеты на подходе, они выжидают и открывают огонь, только когда мы уже непосредственно над целью.

Заходим повторно, и я даю курс на цель. Она быстро приближалась, не подавая никаких признаков жизни. Но я был уверен, что это именно та деревня, на которую мы должны сбросить бомбы. И, как только я это сделал, немцы открыли ураганный огонь. Вокруг сразу стало светло. Трассы снарядов пролетали со всех сторон, и казалось, вот-вот попадут в наш самолет, но Елькину удалось развернуть его и со снижением уйти в сторону нашей территории. Но как мы выскочили из этого обстрела, до сих пор не понимаю... Уже когда Волгу перелетели, вот тут я почувствовал, как вспотел, несмотря на 40-градусный мороз... Настроение в этот момент было самое неопределенное. С одной стороны, удовлетворение от успешно выполненной задачи, ведь из этого поединка победителями вышли мы. А с другой – не проходило чувство только что пережитого страха.

В общем, прилетели и тут же отдали машину в руки механику. Тот смотрит: а все плоскости в пробоинах... Но самое удивительное в том, что одна пуля прошла через двигатель в считанных миллиметрах от бензопровода. А ведь мы тогда летали без парашютов. Если самолет загорелся, то все, считай, ты уже не жилец на белом свете... Поэтому честно признаюсь, на второй вылет я ох как не хотел лететь... Этот момент страха требовалось переломить, и у меня получилось. Все прошло нормально, а далее уже пошло-поехало.

Летали каждую ночь, но если первое время делали по два-три вылета за ночь, то потом стали делать и по четыре-пять. Во-первых, цели не очень далеко. Слетал, бомбозапас скинул, вернулся и доложил. Пока докладываешь, тебе по-новому весь комплект подвесят. Но так часто мы летали лишь зимой, когда ночи длинные. Ближе к лету больше двух-трех вылетов уже не получалось. А не летали лишь при нулевой видимости, тогда и получали возможность передохнуть.

Но сам Ржев был здорово прикрыт зенитной артиллерией, и мы туда даже не совались. А бомбили в его ближайшей округе скопления резервов, штабы, склады и прочее. Из 20 наших самолетов каждую ночь, конечно, не все вылетали, но 12–15 машин на задание отправлялись всегда.

– А как оценивалась результативность в боевых вылетах?

– Тут были два источника. Первое: докладывали сами летчики. Если он отбомбил немецкие позиции, то информировал лишь примерно. Второе, уже партизаны помогали командованию с информацией. Плюс к этому наши передовые части также докладывали, что и как мы отработали. На основании всех этих данных и складывалась более-менее полная картина нашей работы.

– Когда разгонялись при заходе на цель, двигатели отключали?

– Да, делали так, чтобы немцы не услышали нас при подлете. Вот только зимой проделывать подобный трюк было очень опасно. Нужно чувствовать момент, чтобы двигатель не успел остыть к следующей заводке. Поэтому когда температура стояла очень низкая, то мы двигатель не выключали, а просто шли на самых малых оборотах. А уж как немцы ненавидели нас... Днем бой идет, так еще ночью мы им от души даем прикурить.

– А какие бомбы использовали?

– Да чем только не бомбили. И фугасными, и осколочными, и 250-килограммовыми, и полутонками. А еще использовали так называемые «зажигалки». У меня в кабине находилась кассета, и в нее вставлялись эти термитные бомбочки. Когда заходили на цель, я рукой снимал предохранитель и сам бросал их вниз. Они шли в дело после основной бомбардировки, когда мы уже представляли, что и как накрыли.

Как-то вызывает меня комполка и ставит задачу: «По данным разведки, в небольшом лесу севернее Ржева находится скопление немецкой боевой техники и склады с горючим. Вы должны первыми отработать по этому району зажигательными бомбами!» Вылетели, все удачно прошло, так помимо того, что мы нанесли немцам урон, весь полк уже безошибочно знал, куда лететь. Когда вернулись первые экипажи после нас, то летчики заявили, что работать им было в удовольствие. Тут меня и представили к первой награде. (На сайте <http://podvignaroda.mil.ru> есть наградной лист, по которому в марте 1942 года стрелок-бомбардир 666-го авиаполка сержант Рапота А. Н. был представлен к ордену Красного Знамени: «... Молодой, быстро растущий командир, отличный штурман является примером для других. За отличное выполнение боевых заданий имеет ряд благодарностей от командования.

Совершил 27 боевых вылетов ночью, во время которых разрушил и сжег 23 дома, уничтожил 13 автомашин с вражеской пехотой и грузами. Над территорией, занятой противником, сбросил 15 тысяч листовок. Результаты выполнения боевых заданий подтверждены показаниями экипажей, летавшими на эти цели».)

– А помните, как вас награждали?

– Конечно! Как такое можно забыть? В торжественной обстановке при построении всего полка командир зачитывал приказ и вручал орден. С тех пор ничего нового не изобрели. Было ли мне приятно? Вне всякого сомнения! (На сайте <http://podvignaroda.mil.ru> есть наградной лист, по которому адъютант эскадрильи 884-го армейского смешанного авиационного полка лейтенант Рапота А. Н. был награжден орденом Красной Звезды: «Отличный штурман. При выполнении боевых заданий проявляет находчивость, мужество и бесстрашие. Летает в сложных метеоусловиях, всегда отлично выполняет боевые задания. За период пребывания на фронте совершил 184 успешно выполненных ночных боевых вылета. Сбросил на противника 15 112 килограммов бомб. Разрушил и повредил 8 построек, 2 блиндажа, разбросал над территорией противника 223 000 листовок.

За период Ржевской операции с 1.08 по 26.08.42 совершил 59 успешных боевых вылетов. Сбросил на противника 5100 килограммов бомб. Разрушил 4 постройки, 1 блиндаж, создал 4 очага пожара, повредил переправу через Волгу».)

Служебное удостоверение адъютанта эскадрильи А. Н. Рапоты

– Вам лично доводилось видеть результаты своей работы?

– Нет, ни разу не видел. Просто не повезло проехать через те места, которые бомбил именно я. К тому же мы в течение года молотили где только можно. Разве все упомнишь? Вот штурмовики на этот вопрос могут ответить вам утвердительно. Во-первых, они работали днем, да и фотоаппараты уже устанавливали им на машины. С истребителями же вам беседовать – одно удовольствие. Все происходит на его глазах. А мы что? Ночью летаем, бомбим и даже не видим что. Так что здесь порадовать вас ничем, увы, не могу.

– *В наградных листах упоминается, что вы сбросили много листовок.*

– Да, листовки частенько сбрасывали. С ними тоже все проделывали вручную. Они пачками лежали у меня в кабине, но завязаны были так, что потянешь легонько за веревочку, и она сразу сходит.

– *А вы не считали бесполезным разбрасывание этих листовок?*

– Да кто в девятнадцать лет станет об этом задумываться? Задачу поставили – полетел, сбросил и доложил. Дошли эти листовки до людей или нет, никто в тот момент не думал.

– *А когда вы летали под Ржевом, знали, какая бойня там идет на земле?*

– Нет, тогда мы не знали. Но когда в марте 43-го город освободили, мне довелось проехать по нему. Ржев был практически полностью разрушен, все лежало в руинах. Лишь позднее, когда я стал интересоваться историей, понял, что к чему. Более двух миллионов погибших... Считаю, эти потери в определенной степени на совести маршала Жукова. Он же командовал этим фронтом, и три операции, разработанные им, окончились лишь большими потерями. Когда Симонов спросил Жукова, почему операция «Марс» под Ржевом оказалась фактически провальной, маршал ответил, что он не учел природные и погодные условия. Простите, но, будучи русским человеком, не видеть, что танки по лесу и по болотам не пройдут и не дадут такого результата, как под Сталинградом... Ведь нигде так и не сказано, чем закончилось танковое сражение в районе Погорелого Городища под Ржевом, а ведь оно было не менее значительным, чем под Прохоровкой. Там же участвовало полторы тысячи танков, но до сих пор никто ни сном ни духом...

– *А какая обстановка была в вашем полку? Гнетущая или...*

– Как ни странно, нормальная. Почему так говорю, потому что когда война только началась, то у нас в училище прямо дрожь по телу шла, когда мы слушали по радио новости с фронта. Думали, ну как же так? Ведь нам внушали, что у нас такая армия, такие песни пели, а тут передают: сдали, сдали, сдали... Что же это творится? Ну, а уж после разгрома немцев под Москвой у всех поднялось настроение и появилась уверенность, что мы можем и должны их бить! Поэтому в бой шли еще с тем настроением.

– *К партизанам летать не доводилось?*

– В районе Равы-Русской однажды летали. Но не садились, просто должны были сбросить им провизию и медикаменты. Они выложили знак из огней буквой «Т», а мы снижались насколько возможно и сбрасывали грузы. На место бомб закрепили контейнеры с ними, но что-то брали и в кабину и уже выбрасывали собственноручно.

– *Груз не рассыпался, не портился от удара?*

– Ой, не знаю. Это уж как повезет. Впрочем, все рассчитывалось, что дойдет в целости и сохранности. Естественно, парашюты мы не использовали, но упаковка была соответствующая. На следующий день в полк пришли данные, что мы отработали по сбросу груза неплохо. Оценку от партизан мы получили хорошую.

– *Скажите, а прожекторы сильно досаждали?*

– На самом деле они нам попадались очень и очень редко. На передовой немцы не держали прожекторы по двум причинам. Первая – очень легко было бы нашим засечь их позиции и отработать по ним артиллерией и авиацией. Вторая – необходим истребитель, чтобы взять меня в оборот. Но пока он со своего аэродрома поднимется, я успею сбросить весь свой боезапас и вернуться. Так что на фронте прожекторы практически не практиковались.

– *А днем приходилось летать?*

– На боевые задания нет. Впрочем, наши самолеты иногда использовали и в интересах связи и управления войсками. И вот однажды во время такого задания погиб мой командир экипажа – Василий Семченко. Приехал офицер связи. Ему надо было срочно попасть в штаб фронта, и командир полка ставит Васе задачу доставить офицера на место. Вместо меня этот связист и полетел. Чтобы не засекли, летали на предельно малых высотах, но не повезло. Немецкий истребитель сбил мою машину. *(По данным ОБД «Мемориал», командир экипажа 884-го армейского смешанного авиационного полка младший лейтенант Семченко Василий Иванович погиб 22 сентября 1942 года в районе аэродрома Климово.)* Точно так же днем погибли и Петя Рыжов, и еще один летчик...

Но, конечно, основные потери несли в ночных вылетах. Почти половину полка потеряли за полгода... Бывало, и сбивали, но опаснее всего это усталость. На третьем или четвертом вылете уже смертельно хотелось спать. Так у нас погибли два или три экипажа. Самолеты с полным бомбозапасом просто врезались в землю... Хотя на По-2 ведь дублированное управление, и в крайнем случае штурман мог вести самолет из своей кабины. Но у меня, например, был такой случай, когда мы оба уснули. К счастью, вовремя проснулись и пришли в себя. Но подобное имело место лишь при полете над своей территорией. За линией фронта весь сон снимало сразу.

– *А от налетов немецкой авиации несли потери?*

– Я как раз хотел рассказать. Как-то в апреле 1942 года после ночных полетов мы отправились на аэродром, чтобы помочь техникам, после чего предстояло получить задачу от командира полка. Техники работают, а маскировочные ветки отбросили в стороны. Вчетвером на них легли, на солнышке греемся и видим, как со стороны Ржева идет звено бомбардировщиков без прикрытия. Мы были уверены, что они летят на Торжок, но вдруг немцы разворачиваются и идут прямо на нас... Мы даже не успели спрятаться, но все закончилось относительно неплохо. Погиб только часовой и был поврежден один самолет. Нас даже смех разобрал: и это так они бомбят?

Но уже через четверть часа со стороны Ржева идет уже, наверное, с полста машин! Кинулись в укрытие, но какой же мощный получился налет... «Юнкерсы-88» и «Хейнкели» отбомбили примерно с полутора тысяч метров, а вот штурмовики Ме-110 с пушек и пулеметов прочесали нас по полной программе. В результате у нас из всех самолетов осталось только две рабочие машины. Три или четыре сгорели, а остальные вышли из строя. С этим налетом связана и одна анекдотичная деталь. Во время него два наших техника прыгнули в выгребную яму. Как говорится, и смех и грех...

– *Вы помните фильм «Небесный тихоход» с Николаем Крючковым?*

– Конечно.

– *Там был такой эпизод, когда девушка с пренебрежением говорит: «Я думала, вы ас. А вы – у-два-с!»*

– Когда тебя пересаживают с истребителя или штурмовика на такой самолет, то ломка, конечно, присутствует. А когда на других ты просто не летал...

– Я имею в виду, не было ли пренебрежения к вам со стороны других летчиков – истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков?

– Нет, ничего подобного никогда не было. Я вам больше скажу. Они к нам относились с сочувствием. Почему? Их самолеты были действительно защищенными. У штурмовиков вообще корпус был бронированный. В некоторых самолетах даже присутствовало отдельное место для стрелка. Мы же были абсолютно незащитны. Если тебя засекут, считай, что самолет фактически сбит.

– Вас ни разу не сбивали?

– Нет, слава богу, нет. Хранил меня бог... Только однажды чуть не разбился во время аварийной посадки.

– Расскажите, пожалуйста, об этом.

– Как-то нам с Васькой Семченко командир полка поставил задачу: «Летите первыми, но если погода очень плохая, возвращайтесь!» В этом случае он бы запретил полеты и другим летчикам.

Вылетели, но минут через 10–15 увидели впереди черную стену, которая опускалась до самой земли. В условиях такой облачности продолжать полет, конечно, было невозможно. Решили вернуться и предупредить экипажи, чтобы не вылетали.

Только приземлились, и тут выясняется, что все вылетели, не дождавись нас. Но не успели даже толком удивиться: «Как же так, ведь командир намеревался задержать вылет экипажей до нашего доклада?», как подбегает комиссар: «В чем дело?» Ну, я и объясняю ему, что к чему и как. Но этот редкостный мудака выхватывает пистолет и орет на нас: «Струсили?!» А Вася был парень горячий, он тут же дал по газам, почти на месте развернулся и, не вырывая на старт, пошел на взлет. Но не прошло и пяти минут, как мы воткнулись в ту облачность. Лететь под облаками мы не могли – шел снег и сильно болтало. В таких условиях выйти на цель и выполнить задачу было совершенно невозможно, и мы приняли решение – пробить облачность и идти над облаками.

Помню, ярко светила луна, и казалось, мы плывем над белыми вспенившимися волнами. От вспышек снарядов и пожаров заметно тянулась светлая полоса. До цели оставалось не меньше двадцати километров, а нам уже надо было разворачиваться. Что же делать? Продолжать дальше полет означало остаться без горючего, а значит, садиться в поле, что весьма непросто в такую погоду. Но тут в облаках появились разрывы, и мы приняли решение снизиться.

Скоро я увидел впереди небольшие огоньки, похожие на огонь подфарников автомашин. Я дал команду, и Вася быстро встал на боевой курс. Еще минута-другая, и я сбросил бомбы. Теперь скорее на аэродром. Хорошо, ветер был попутный, и мы быстро проскочили линию фронта.

Я старался держать курс, но шел снег, видимость очень плохая, да еще самолет швыряло как спичечную коробку. По моим расчетам, должны уже были выйти к нашему аэродрому, но его все не было. Что делать? Бензин на исходе, надо садиться. Вася сделал круг, выбрал снежную поляну, примыкавшую к хуторку, и пошел на посадку. Благополучно сели и, не выключая мотор, вылезли из кабин. Прыгнули на снег и тут же провалились в него почти до самого пояса. С трудом добравшись до хутора, Вася восстановил ориентировку. Оказалось, что до нашего аэродрома всего 12 километров. Выбора нет, нужно лететь.

Но только взлетели, как нас чуть не перевернуло ветром и начало бросать из стороны в сторону. Вася еле удерживал ручку, чтобы не дать самолету упасть. Такой болтанки я не испы-

тывал больше никогда в жизни. Но главное, пролетев несколько минут, мы так и не обнаружили свой аэродром. Принимаем решение – произвести посадку.

Вася начинает снижаться, а потом вдруг как хватит на себя ручку, я даже о козырек головой ударился. Оказывается, мы за снегом не заметили, что начали планировать прямо на деревню.

Со второго круга стали садиться на поляну. Уже лыжами коснулись снега, а самолет все несет, несет и несет. Вдруг слева откуда ни возьмись береза, и мы об нее как стукнулись, и после удара самолет встал на нос... Вот тут, я помню, такие мурашки пробежали по спине...

На ночь нас приютили в ближайшей деревне. Утром пошли к самолету, а он лежит, как раненый солдат на поле боя... Общими усилиями с жителями деревни все-таки поставили самолет на «ноги». Осмотрели его, оказывается, винт треснул и помята кромка обтекания нижней плоскости. Кромка ладно, а вот винт надо менять. Вдруг один шофер из местных говорит: «Снимайте – мы его вмиг исправим!» Не совсем веря в то, что он сказал, принимаем с Васей решение – самолет на поле не оставлять. А пока мы возились у самолета, освобождая его от снега, в этой деревне шоферы мастерили нам винт. И вот уже, чуть ли не бегом, довольные своей работой, они притащили наш винт: «Пожалуйста!» Мы с Васькой глянули. Оказывается, они его под прессом выправили и наложили бандаж из жести. Проверили, насколько это прочно, но совершенно не подумали о том, как он будет себя вести, когда запустим мотор. Установка винта много времени не заняла, и Вася сел в кабину. Мотор заработал и тут же весь задрожал, да с такой силой, что казалось – вот-вот рассыплется на части. Через какие-то секунды мотор остановился – нарушилась центровка винта. Теперь у нас остался единственный выход – добираться в полк, взять там новый винт и приехать сюда.

Вася поехал в полк, а меня на два дня приютила одна семья. На третий день он вернулся с механиком и новым винтом, который мы тут же установили и подготовили самолет к вылету. И рассказывает мне: «А нас-то в полку уже считали погибшими...» Оказывается, в ту ночь из 16 или 18 экипажей на аэродром вернулись только четыре... Трое вообще так и не вернулись с этого вылета, видать, их сбили. А остальные, как и мы, совершили вынужденные посадки кто где, и почти все машины нуждаются в ремонте... Вот таким печальным результатом закончилась та памятная ночь. По-хорошему за такое этого комиссара стоило бы к стенке поставить, а этот еще и новое назначение получил.

– *Вы упомянули, что у вас был летающий комиссар.*

– Этот тоже был летающий.

– *А вы сами могли поднять и посадить самолет?*

– Конечно, мог! Это было нужно прежде всего мне самому. Ведь нередко были случаи, когда летчик бывал ранен или даже убит, поэтому подобный навык иметь было жизненно необходимо. Еще раз напомним, что парашютов у нас не было. Так что если самолет не сбили, он обязан вернуться!

– *Известно, что летчики достаточно суеверны. У вас, например, были какие-то приметы?*

– Лично у меня ничего подобного не было.

– *А у друзей? Не бриться, не фотографироваться, 13-й номер?*

– Нет, на подобные вещи мы внимания не обращали. Не помню такого.

– *Вот вы отлетали ночью, а что днем? Спали?*

– Да, конечно. Днем мы отсыпались. Жили мы в деревнях и в зависимости от дома располагались по двое-трое. После полетов шли на завтрак. Там нам в обязательном порядке выдавали «наркомовские» сто граммов водки. Кабина же открытая, и зимой замерзали так... Поэтому, когда приходили в избу, каждый хотел устроиться на печке. Но все желающие там, конечно, не помещались. И знаете, что еще нам мешало? Дома-то были деревянные, неоштукатуренные, и щели что снаружи, что изнутри... А что в этих трещинах? Клопы! Вот же окаянные... Просто житья не давали! Когда ложились спать, то поливали вокруг себя водой, чтобы они не переползали. Так эти сволочи на нас с потолка прыгали. Я-то еще ничего, а другу моему – Коле Волостякову – они, окаянные, практически не давали спать.

Как-то возвращаемся с полетов, а у меня был друг – Андрей Роговченко. И он говорит мне, что настолько замерз, что на завтрак не пойдет, и просит, чтобы я его сто граммов взял себе. Приходим в столовую, а там алюминиевые кружки. Старшина со своей 100-граммовой меркой проходит и каждому наливает. Подходит ко мне, и я говорю, что мне еще сто граммов за Роговченко. Так он не дал. Ему, видите ли, необходимо присутствие Андрея. Я летал, мерз, а ты, идиот, сидел здесь... Ну, заиграла кровь. Я поднялся, взял его за грудки, тряхнул... Он налил, только потом пожаловался на меня комиссару. Тот вызывает и начинает меня песочить. Короче, мне объявляют арест на трое суток. Иду на гауптвахту, которая располагалась в пустом доме. Снял с себя летный костюм и так сладко уснул... И вдруг сквозь сон слышу шум и гам. Это пришли мои друзья с поллитрой, а дежурный их не пускает. Впрочем, держался он недолго. Ребята зашли ко мне, разложили выпивку и закуску. А когда уже заканчивали, я попросил их зайти к комиссару и потребовать у него продлить мне арест еще на трое суток. Вы бы только знали, как я хорошо выспался за эти три дня... Отдохнул на славу.

– *А кормили как?*

– Кормили нас просто отлично. Отбивных в нашем рационе, конечно, не наблюдалось, но каши и супы были всегда. И там и там мясо. Я вам больше скажу, мы за каждый вылет еще и деньги получали. И знаю, что и танкистов, и пехоту тоже кормили отменно. Да, иногда случались перебои с подвозом пищи, но они ведь постоянно в движении. Бывало, и не успевала полевая кухня за ними, да и во время боя нет времени на кормежку. У нас в этом отношении было лучше.

– *Правда ли, что у летчиков после напряженных вылетов начиналось расстройство желудка и они не могли есть?*

– Нет, такого я не помню. Может, подобное имело место у истребителей. Там же скорости совершенно другие, к тому же они вступали в ближний бой, и я не могу исключать, что им не хотелось есть после полетов. А у меня и моих товарищей все боевые вылеты проходили куда спокойнее. Такого напряжения, как у истребителей, у нас не было. Для нас что главное? Не уснуть и не замерзнуть!

Кабина у нас, как я уже говорил, была открытая, а лицо прикрывала только маска. Так вот, зимой незащищенная часть лица у нас постоянно была черного цвета, настолько она была отмороженной. Прилетел, снял маску, доложил – и снова в полет. Она даже высохнуть не успевала, а тут опять на мороз. Вновь возвращаешься и не сразу даже снимешь. Просто примерзала к лицу.

– *А как отдыхали? Концертные агитбригады к вам, например, приезжали?*

– Приезжали, и не раз. И Русланова была, и Шульженко, и даже московские театры навещали нас. Кстати, мне мой друг-танкист рассказывал, как к ним на передовую просились артисты. Они непременно хотели выступить перед теми, кто в окопах. На свой страх и риск отпра-

вились туда, так с немецкой стороны через мегафон прокричали: «Иван, пусть поют громче! Мы стрелять не будем!» Бывало и такое.

И врачи к нам с проверками приезжали. Помню зубного врача – молодую женщину. Всех нас обследовала, но после того как осмотрела меня, то сказала, что будь у всех людей такие зубы, она бы осталась без работы.

Верхняя фотография была получена первой. И я сразу решил: "Да! Она будет моя! Красавица!!"

Вторая меня несколько смутила: абсолютная противоположность первой. Здесь она больше похожа на серьезного комсомольского работника и я подумал: "Этими глупостями, перепиской она заниматься не будет! К счастью – ошибся".

– Из газетной статьи я знаю про вашу красивую историю знакомства с будущей женой.

– Есть такая. 1 мая 1942 года в нашем полку устроили праздничный митинг. Сначала выступил командир, потом комиссар, зачитали приветственную телеграмму Военного совета 1-й воздушной армии. И уже в самом конце сообщили, что есть еще поздравления от студентов московского педучилища. Как потом мне жена рассказала, это директриса их надоумила написать поздравления фронтовикам. Причем вместо адреса они написали просто: «На Западный фронт». Думали, хоть кому-то, но дойдет. А оказалось, что Политуправление их письмо размножило и разослало по разным частям.

С будущей женой Татьяной

И мне, как секретарю комсомольской организации, комиссар поручил написать ответ. Написал, он кое-что подправил: «Все хорошо, можешь отправлять!» Но я перечитал и подумал: ну что это за письмо? Словно какая-то газетная агитка: «Летаем! Бьем врага и добьемся Победы!» И тогда я, никому ничего не говоря, в конце сделал маленькую приписку: «Девушки, у нас все ребята молодые, холостые, но у некоторых родители остались на оккупированной

территории, так что им просто некому писать. И они будут очень рады, если вы им напишете самые простые теплые слова». И перечислил фамилии 12 наших летчиков.

А в их письме было три подписи: профорг – Киселева, комсорг – Макарова и староста группы – Шлыкова. И последняя меня немного заинтересовала, вспомнил просто, что у графа Шереметьева вроде была актриса с такой фамилией. И я решил послать на ее имя маленькую записочку: «Таня, а вы, если можете, ответьте мне».

И вдруг вскоре стали приходить письма. Ребята, конечно, удивились. Даже командиру пришло одно письмо, за что я получил от него по холке. Но самому первому пришло письмо мне от Тани. Правда, написала она его так официально, обращалась на «вы». Вот так в мае 42-го и началась наша переписка.

А мой друг Сашка Ильянович периодически перегонял самолеты на замену двигателя в авиамастерские на станции Купавна под Москвой. И мы ему, конечно, дали «шпионское» задание – обязательно заехать в училище и как следует всех девушек рассмотреть. А Сашка красивый был парень, мы с ним потом всю жизнь дружили, только недавно похоронили, и девчата решили, что он приехал для себя девушку присмотреть.

И, когда он вернулся, его все окружили и долго пытали: «Ну как там моя? А моя?» Я дождался, пока все закончат, отвел Сашку в сторону и спросил про Танюшу. Сам нервничаю, вдруг, думаю, скажет что не то. А он мне так ответил: «Знаешь, если бы ты не был моим другом, я бы у тебя ее отбил!» Тут я, конечно, еще больше завелся, захотелось познакомиться воочию. И вскоре представился случай.

В октябре Сашку отправили перегнать самолет, и он опять начал мне пихать: «Ну, давай же, решайся!» А как подойти к командиру с такой просьбой, ведь обстановка сложная, каждый день делаем по 3–4 вылета? Долго не решался, но Сашка меня убедил: «Ну, что ты волнуешься? Это же всего на 2–3 дня. Мотор заменят, и сразу обратно».

Пошли вместе к командиру полка, и я сказал, что в это же время в Москве проездом окажется мой брат и очень хочется с ним повидаться. А комиссар, зараза, все знал. Выходит из соседней комнаты и говорит: «А твой брат, случаем, не в юбке?!» Я со стыда чуть сквозь землю не провалился... Но комполка только рассмеялся и отпустил.

Но в Москву я ехал с определенными опасениями. Знал, что отец у Тани очень строгий. Все твердил ей, чтобы ни в коем случае не крутила любовь с фронтовиками: «Это такие кобели, натворят делов и уедут», – ворчал мой будущий тесть.

В общем, прилетели в Москву, и Сашка без стеснения сразу повез меня на Загородную улицу, где Танюша жила. Он, оказывается, в первый приезд успел познакомиться и с ее родителями. Отец увидел Ильяновича, обрадовался: «О, Саша!» – а на меня ноль внимания. Я расстроился, ну вот, думаю, я нестати и не ко двору, а ведь должен быть роднее Сашки. Я же с мая по октябрь писал Тане письма чуть ли не каждый день. Представлял, как мы с ней встретимся, обнимемся... А тут сижу сам не свой и уже, честно признаться, собрался уходить. Но тут, наконец, она пришла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.